

The illustration depicts a young man with vibrant red, wavy hair and a joyful expression, reaching out with both hands towards the viewer. He is dressed in a light blue long-sleeved shirt and matching trousers, and is barefoot. The background is a lush green field filled with numerous white daisies and yellow wildflowers. Several small, winged fairies with blue bodies and translucent wings are scattered throughout the scene, some hovering near the ground and others flying higher. In the upper right, a bright blue, swirling magical portal or vortex is visible. The overall atmosphere is whimsical and magical.

АЛЕКС КАМА МИРЫ И ИСТОРИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ
АКАДЕМИЯ МАГИИ ВОЗДУХА

Алекс Кама

**Миры и истории. Книга третья.
Академия. Магия воздуха.**

«Издательские решения»

Кама А.

Миры и истории. Книга третья. Академия. Магия воздуха. /
А. Кама — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628907-9

Денис после спасения Зелёного мира от эпидемии с одним из своих друзей, свином Милым, оказывается в Оранжевом мире, где живут Короли и проходят обучение маги всех светлых миров. Здесь у него появляются новые друзья, а наставники академии, где он теперь живёт и учится, иногда удивляют его, иногда ругают, но всё больше и больше приобщают к магии. Магии воздуха? Это интересно. Получится ли у Дениса остановить ураган и создать свой ветер?..

ISBN 978-5-00-628907-9

© Кама А.

© Издательские решения

Содержание

Миры и истории Академия. Магия воздуха	6
Книга третья	6
Глава 1. Академия магов	7
Глава 2. Рассвет силы	15
Глава 3. Испытание шариками	24
Глава 4. Лучший из миров	30
Глава 5. Весёлые старты	38
Глава 6. Обещание бури	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Миры и истории. Книга третья. Академия. Магия воздуха.

Алекс Кама

Иллюстратор Маргарита Безручко

© Алекс Кама, 2024

© Маргарита Безручко, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-8907-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0060-6094-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миры и истории Академия. Магия воздуха

Книга третья

Привет, дорогой читатель!

Если ты здесь, то, скорее всего, ты прочитал две книги цикла «Миры и истории»: «Первый контакт» и «Магия девяти планет». Тогда ты уже знаком с Денисом, старшеклассником, влюблённым в Леру, который совершенно случайно (или нет?!) встретил представителей фантастически далёких, но не менее прекрасных, чем Земля, цветных миров: Пузатого, Милого и Пухлого.

Благодаря новым друзьям Денис своими глазами увидел Жёлтый и Зелёный миры, подружился с их обитателями: свинами, котами, енотами, собаками. И – вместе с Лерой и её младшим братом – стал частью их историй.

Историй с освобождением из плена Патриция, бесспорного лидера Жёлтого мира, и спасением от страшной эпидемии самого боеспособного народа цветных миров – зелян – во главе с невероятной, обожаемой своим воинством Аминой.

Новая книга – продолжение приключений Дениса и Ко, которая познакомит тебя с особенным – Оранжевым – миром, попасть куда даже ради великой цели могут лишь самые одарённые представители цветных миров и только по специальному приглашению Королей.

Добро пожаловать в нашу новую Историю!

С уважением, Алекс Кама

Глава 1. Академия магов

«Трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и ещё больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложные сведения ещё больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы совсем не знаем».
(Александр Герцен)

Я был уверен, что подъём к кораблю Короля будет очень долгим – настолько бесконечной снизу казалась лестница в небо. Но успел сделать не больше двадцати шагов... и как будто вздёрнули занавес – перед глазами вместо заоблачно-бесконечного каскада ступеней предстал мраморный, утопающий в зелени город. Не корабль!

Каким-то шестым чувством я понял, что это снова он – Атлас, столица Оранжевого мира, но всё ещё не мог поверить, что это происходит с нами в реальности. Как и Милый, который оглянулся на меня, подрагивая, восторженно улыбаясь от уха до уха и неловко потирая пузико, потому что явно не знал, куда пристроить руки.

Король едва заметно коснулся его плеча и молча указал вперёд – на прямую и ровную дорогу, выложенную белоснежным мрамором.

Дважды просить Милого ему не пришлось. Свин кивнул и очень забавно ускорился, засеменя ножками. Он даже опередил Короля. Но буквально через секунду тот каким-то волшебным образом снова оказался впереди нас, причём далеко впереди, и мы, переглянувшись, почти побежали к его уменьшившемуся силуэту, показывающему нам рукой: «Сюда!»

Бежали долго. Он, как будто стоя на месте, всё время от нас отдалялся.

А когда всё-таки добежали, за спиной Короля увидели развилку.

Какое-то время он с улыбкой смотрел, как мы, согнувшись, пытаемся отдышаться, а когда вместе, не сговариваясь, выпрямились, тихо сказал, глядя сначала на Милого: «Тебе направо», а потом на меня: «Тебе прямо».

После небольшой паузы он добавил:

– Вас обоих уже ждут. Идите. Я в вас верю.

– Мы... Это... Ваше величие... То есть величество... – Милый посмотрел на меня будто в поисках поддержки.

Но пока я соображал, что было бы уместно в таком случае сказать, Король прижал палец к губам, затем руку к груди и произнёс:

– Приложите сердце ваше к учению и уши ваши к мудрым словам.

Почему мне показалось, что я знаю эту фразу? Откуда?

Спросить я не успел. Зелёный Король исчез. За секунду. А мы с Милым остались на развилке вдвоём, немного растерянные и всё ещё напуганные непониманием, что нас ожидает.

Свин первым собрался с духом. Он крепко обнял меня и, прошептав: «Спасибо! За всё!», двинулся по своей дороге.

Я ещё немного постоял, глядя ему вслед. Он так и не оглянулся, но, словно зная, что я смотрю, поднял вверх руку со сжатым кулачком прежде, чем исчез за поворотом. А потом я сделал свой первый шаг. Потом ещё один.

И ещё...

Не помню, на каком шаге я сбился со счёта, начав думать об отчаянии, с которым прозвучал вопрос моей любимой Леры: «Мы ведь ещё встретимся?»

Почему она вообще об этом подумала? О том, что мы можем больше никогда не увидеться! И почему, соглашаясь на предложение Королей, об этом не подумал я? А если я

не увижу больше не только её, но и маму, папу, Стеллу? Землю наконец, которую здесь называют Терией?

Ради чего? Ради магии? Ради академии, о которой никто ничего не знает в моём родном мире? Бред какой-то!

Я остановился. Огляделся вокруг: на высокие деревья с неохватными стволами, похожие на микст из дуба и каштана, на идеально ровную и чистую дорогу, на небо – настолько ярко-голубое, что начинает резать глаза, если смотреть на него долго...

Я ведь ничего не знаю об Оранжевом мире и о том, чем придётся заплатить за свою «избранность». Что за дурацкое слово, кстати? Избранность. Я же никогда так о себе... И зачем она мне, если я мог быть счастлив, просто живя, играя в футбол и находясь рядом с Лерой на Терии?

И тут я вздрогнул. Если я – я! – уже называю Землю Терией, мне, очевидно, поздно отступать. А ещё я понял, что точно пожалел бы, отказавшись от предложения Королей. Пожалел бы даже рядом с Лерой...

И тут я вспомнил о друзьях, скучать по которым никогда не перестану.

По ним, кому друг с другом нельзя и врозь невозможно. Свин и енот. Забавно, что они получили подарок, в реальность которого совсем не верили, судя по их прямо детскому спору на Эльдосе.

Ещё до того, как мы с Милым улетели на Атлас, они снова умудрились поругаться, размечтавшись о расширении своих ресторанных бизнесов на все цветные миры, для начала – хотя бы на Зелёный.

– У меня идея на миллион!

– А у меня – на миллиард!

– Да ты подожди!

– Нет, ты жди!

Лера тогда, поняв, что ещё пять минут – и они начнут тыкать друг в друга пальцами и орать: «Веник полосатый!», «Лысая розовая кубышка!», сделала попытку пресечь скандал:

– Я уверена, что ваши рестораны будут прекрасны!

Но остановить этот поединок было уже невозможно.

– У кого? У этого барабана с ушами? – хихикнул Папа Енот, махнув рукой в сторону Пузатого.

– Да что этот клубок мохера может сделать прекрасного?! – тут же выступил Пузатый, повторив презрительный мах рукой уже в сторону Папы Енота. – Я профи! А он кто? Король обжорок!

– Да ты!.. – Папа Енот не сразу сообразил, что ответить.

Пузатого это очень воодушевило:

– Да я! – свин выкатил вперёд пузико и стал надвигаться на енота. – Я дам собакам хороший общепит. А ты со своими обжорками не лезь! Им и без тебя уже досталось!

Бульдожка переводил взгляд с одного на другого, не понимая, как реагировать.

Папа Енот набрал в грудь побольше воздуха и, выпуская его в сторону оппонента, заорал:

– Сам ты обжора с пяточком! Брехунок! В моих ресторанах места бронируют за неделю! Потому что там так вкусно, что вместе с тарелкой съешь! А ты, кроме картофана недожаренного, который сам же и лопаешь, что можешь?

– Ха! В его обжорках жрут тарелки, – обрадовался Пузатый и демонстративно заколыхался, якобы ему стало очень смешно, – потому что там больше есть нечего! Пффф! Да ради моего картофана коты аж с Верула группами прилетают! И столики за месяц бронируют!

– Не свисти, свинопулос! Нужен ты котам, как верблюду хобот! Они в мои рестораны ходят! И здесь так будет! – брызгал слюной Папа Енот, начав тоже двигаться навстречу свину.

– Чего тут будет? – сжимая кулачки, завопил Пузатый. – Облезлая обжорка? А у меня гостям так хорошо, что они через одного идут посуду за собой мыть, лишь бы не уходить!

– Тьфу! Посуда! Да у меня гости генеральную уборку делают!

– Ага, потому что в твоих обжорках грязь такая, что кусками на головы летит!

– Ах ты кадушка с тухлой капустой! – свершилось-таки: енот ткнул указательным пальцем в пяточок свина.

И тут же получил «ответку» – палец в нос – и оскорбление:

– Да ты сам сарделька разваренная!

Руфус придвинулся к Лере и хихикнул:

– Красиво ругаются! Я кое-что запишу.

Лера, непроизвольно погладив его по голове, чем вызвала лёгкий шок, улыбнулась:

– Да, они у нас магистры ругани!..

Я улыбнулся и больше не сомневался в своем выборе, хотя уже начал думать, что мраморная дорога не закончится никогда.

Но она закончилась. И привела меня к ажурным кованым воротам из металла, очень похожего на чёрное серебро. Пока я оглядывал их в поисках звонка (или что тут у них должно быть?), ворота сами стали плавно открываться, будто меня там, внутри, действительно ждали.

Но и там не было ни души. Только пустая аллея всё с теми же дубами-каштанами и широкой прямой тропой, выложенной камнем серо-голубого цвета. Когда я встал на эти камни, вся тропа будто подсветилась мягким неоновым светом и словно внезапно включившийся траволатор понесла меня вперёд. Интересно, они за мной наблюдают?

– Я бы и так дошёл, понторезы! – проорал я, задрав голову к кронам деревьев.

В ту же секунду тропа ускорилась, из-за чего мне стало намного сложнее удерживать равновесие. Пришлось шлёпнуться на колени и дальше ехать на карачках, не видя впереди ничего, кроме серо-голубых камней под носом.

Но такой их ответ мне понравился. Получается, у этих ребят есть чувство юмора?

Точно есть. Когда волшебный траволатор наконец остановился, а я только начал вставать, тропа слегка дёрнулась. Да так, что я снова шлёпнулся, вовремя выставив вперёд ладони. Выждав несколько минут в этой позе, я резко встал.

Приехали! Тропа упёрлась в огромную площадь, выложенную бело-зелёным мрамором и окружённую со всех сторон парком с очень старыми деревьями. Посреди неё стояло большое прямоугольное здание светло-терракотового цвета с резными колоннами и статуями оттенка топлёного молока по всему периметру. При этом среди статуй животных (или это не животные?) я опознал только гаргулий. Видел их детальные фотографии у Стеллы, в альбоме «Самые красивые соборы мира».

Это и есть их академия?

В любом случае других вариантов, куда идти, я здесь не вижу.

Но только я сделал шаг по направлению ко входу в этот пантеон, как услышал в голове смеющееся: «Нет!»

– А куда «да»? – проорал я в воздух, крутанувшись на все 360 градусов.

– Иди по дороге из розового камня.

Всё-таки они понторезы.

Дорогу из розового камня я нашёл, когда решил обойти по кромке парка.

Она была розовая, извилистая, как змейка, очень узкая, ещё и наполовину утопленная в цветах и травах.

Стоило только ступить на неё... и меня буквально оглушило сочное, как тысячи флейт, птичье пение. Лере оно наверняка бы понравилось!

Кстати, откуда взялось это сравнение? Я же никогда не слышал «тысячи флейт»! Я и одной-то не слышал...

После очередного изгиба «розовой змейки» я вышел на небольшую площадку, которую почти целиком занимал фонтан, по всей чаше которого были будто рассыпаны каменные бутоны цветов, а в самом центре – фигура дракона из красного металла с раскинутыми крыльями, из пасти которого вместо огня выливается искрящийся водяной поток.

У фонтана, глядя на скульптуру, стоял невысокий человек. У него была гладкая кожа, но абсолютно седая борода. Как-то почувствовав меня, он обернулся. Его изучающий взгляд не был неприятным. Но мне почему-то было важно, что он обо мне подумает.

– Здравствуйте! – я решил не подходить ближе, пока он не даст понять, что согласен на это.

– Здравствуй, Денис! Рад тебя видеть.

Я ещё потоптался на месте и наконец услышал:

– Ты подойдешь? – тут он улыбнулся. – Или мне фонтан к тебе передвинуть?

Я подошёл. И невольно уставился в чашу фонтана, где стремительно шныряли сотни крохотных рыбок с золотистыми бочками и разноцветными хвостиками.

– Это мирамеды. Они никогда не болеют и при этом способны за несколько часов очистить любой водоём.

Я посмотрел на него. Его взгляд был добрым, как у мамы, хотя у мамы глаза золотистые, а здесь зрачки тёмные, как смола...

– Люблю это место. Оно успокаивает, – голос у него был мягкий и низкий. – Меня зовут Лигант. Я понтиус академии. У вас это означает «ректор». Присядем?

Я даже не успел подумать, куда он предлагает нам присесть, как он слегка провёл рукой, будто щенка погладил, и кивнул мне за спину. Я оглянулся, а там уже стоял резной столик с двумя стульями, а на нём – белый чайный сервиз с парящим из носика чайником, ваза с фруктами и хрустальное блюдо с круглыми пирожными, напоминающими наши макарены.

– Угощайся, – я даже не успел заметить, как Лигант оказался за столом, разливающим в чашки янтарного цвета чай.

Я сел на свободный стульчик.

– Я знаю, что у тебя много вопросов, – сказал понтиус, подвигая ко мне чашку. – На главные я сегодня отвечу.

– Тогда ответьте, что такое магия? – я взялся за ручку чашечки, и она стала мне как опора, будто в себя забирала всё моё волнение. – У нас магов, волшебников, ведьм, колдунов считают шарлатанами. И вообще в них не верят. Объявить на Тери, что я маг – это всё равно что признать, что я сумасшедший. У нас там над магией... смеются, анекдоты рассказывают.

– Анекдоты? Это ещё что такое? – нахмурился Лигант.

– Короткие смешные истории. Или не смешные. Или не очень смешные. Ну, если их бездари придумывают, тогда получается не смешно, – я не знал, как объяснить ему лучше феномен наших анекдотов.

– Расскажи!

– Ладно. Сидит парень на ветке дерева и пилит её...

– Он же упадёт!

– Не мешайте! Слушайте! Сидит и пилит. Мимо идут люди и говорят ему: «Не пили, упадёшь!» А он их к чёрту посылает – и пилит дальше. В итоге падает вместе с веткой, ударяется и говорит: «Сглазили, колдуны проклятые!»

Я замолчал. Лигант смотрел на меня выжидающе. Я слегка развёл руками – дескать, всё. Он хмыкнул и пробормотал:

– Бездари придумали!

Это меня задело. Сам я над этим анекдотом смеялся до рези в животе.

– Вам не угодить... Ладно. Собирается компания на встречу выпускников. Все пришли, а одного нет. «Где Олег?» «Момент, – говорит один из них и достаёт из кармана крохотного, размером с напёрсток, Олега. – Давай, Олежка, расскажи им, как ты в Африке колдуна к чёрту послал!»

Я даже не сразу понял, что услышал: какое-то кряхтение вперемешку с писком и кряканьем, оказавшееся смехом Лиганта.

Похохотав, он отпил немного чая и оставил чашечку.

– Ты никогда не задумывался, как бы тебя назвали первобытные люди, окажись ты там с обыкновенной зажигалкой? – вздёрнул он брови. – Можешь не отвечать. Конечно, волшебником. Волшебником с мощным волшебным артефактом. А ещё повелителем огня. В средние века за использование обычного сейчас диктофона инквизиция назвала бы тебя колдуном и сожгла на костре.

То есть сегодня магия, а завтра – реальность или обыденность. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Что магии не существует?

– Нет. Что магия – это не «из ничего сделать нечто». Это дар, которым обладают очень немногие, но зато пользоваться им могут все.

Он снова отпил из чашечки. Я поспешил последовать его примеру, размышляя, как бы мне незаметно слопать макарун... Почему-то жевать при Лиганте казалось неудобным.

– Магия, Денис, это, с одной стороны, наше невежество, наша неспособность объяснить происходящее сформированной (заметь, сформированной нами же!) картиной мира и нашими же законами мироустройства! – тут он улыбнулся и неожиданно продолжил. – Возьми пирожное. Фисташковое.

А когда я послушался и звонко хрустнул, продолжил: – Напрашивается вывод, что магия... – он замолчал, а я с нетерпением произнёс:

– Какой?!

– Магия – это результат познания мира, а маг – это постоянный студент. Так что таким, как ты, нужно непрерывно совершенствоваться. От чего-то придётся отказаться, со временем ты поймёшь, от чего. Кстати, маг – это одиночка, – я вздрогнул при этих словах, а Лигант снова улыбнулся. – Но бывают исключения.

– И чем работает маг? Двигает вещи силой мысли?

– Ты всё упрощаешь. Не надо ничего двигать, если в этом нет необходимости. Но про силу мысли ты не так уж не прав. Наш мозг (причём не важно чей, будь это терийцы, зеляне или верульцы) сильно ограничен в своих физиологических возможностях. Он очень энергозатратный орган. Когда ты, например, ни о чём не думаешь, твой мозг потребляет девять процентов всей энергии организма. А если начинаешь задумываться или творить, то мозг способен потреблять уже двадцать пять процентов энергии!

А это очень много! К тому же тяжело для организма. Поэтому мозг сопротивляется. Поэтому большинство живых существ в мирах ленивы и не любопытны. Волшебство же требует тех самых двадцати пяти процентов и даже больше. При этом находиться в таком состоянии долго наш мозг не способен. В режиме активных энергозатрат он может просуществовать лишь пару недель. А потом начинается нервное истощение. По этой причине после интеллектуального или творческого перенапряжения хочется лежать пластом неделями и ни о чём не думать. И это не лень. Это попытка тела компенсировать то, что оно отдало.

– И что, ваши маги неделю работают, потом два месяца отсыпаются?

– Нет, – улыбнулся Лигант. – Они работают всегда.

– И как подзаряжаются?

– Не как, а где. В окружающем нас мире. Ты разве не чувствуешь, что вокруг – бескрайние океаны энергии, которые мы, маги, и называем силой.

А ведь он прав! «Улыбнись! Сегодня будет хороший день», – эти слова мне однажды сказал бездомный у автобусной остановки, когда я проходил мимо, жалея, что всё в моей жизни идёт не так, как хочется. Странно, но у меня тогда по ощущениям будто выросли крылья.

– Эту энергию ещё надо уметь собирать, – сказал я.

И тут же поймал себя на мысли, что даже не заметил, как умял почти половину всех макарун.

– Наверное, я тебя утомил, – произнёс Лигант. – Тебе не нужно сейчас выяснять всё. Наши академикусы получают ответы на свои вопросы на протяжении всей учёбы. Что? Хочешь ещё что-то спросить?

– А я буду светлым или тёмным магом? – выдохнул я.

– А-а-а, – улыбнулся волшебник. – Ещё один стереотип. Светлые маги – маги света и добра, а тёмные – тьмы и зла... Это не так на самом деле. Всё в мире находится в равновесии. И силы в том числе: созидания, разрушения... Маги, которые черпают энергию у сил созидания, называются светлыми, иные – тёмными. Но важно и нужно и то и другое.

– Не понимаю...

– Пока. Съешь ещё, – он пододвинул ко мне пирожные. – Магия не бывает хорошей или плохой. Всё зависит от того, как ты её используешь. Именно ты. Если используешь тёмную силу во благо, ты добрый тёмный волшебник, а если светлую ради зла – светлый, но злой.

Я не знал, что сказать на это, кроме как: «О-бал-деть!» – поэтому просто кивнул. И тут Лигант добавил:

– Должен тебя предупредить... Некоторые думают, что встретят здесь большую шумную компанию студентов, которые в огромных аудиториях слушают лекции, одновременно обсуждая развлечения, красивых девушек и тому подобное. Так вот – это не так. Здесь всё не так.

На мой вопросительный взгляд (а я послушался и как раз жевал очередной макарун, поэтому рот был набит) ректор пояснил:

– Обучение магии – это не усвоение информации на оценку ради диплома, а постоянное саморазвитие. Мы вообще здесь не ставим оценок и никого не заставляем делать что-то, чего он не хочет. Здесь каждый развивается сам. Или не развивается... и теряет свой дар и шанс стать магом, возвращаясь в обычную жизнь, а мы помогаем ему забыть, что у него такой шанс был...

В любом случае каждый студент сам решает, на что он готов, и сам делает выводы о своих достижениях. Но у каждого ученика есть главный наставник. У тебя он тоже будет. Советую очень внимательно слушать его и, конечно, всех учителей.

– Вы сказали про обычную жизнь. Никогда не поздно к ней вернуться?

Но это... стыдно.

– В этом нет ничего стыдного. Я говорю о балансе. Во всём есть свои хорошие и плохие стороны. В магии тоже. Ею нельзя заниматься, не любя её. Поэтому она даёт большие возможности, но берёт за это дорогой валютой.

– Валютой?!

О чём он вообще?

– Да. За избранность придётся заплатить кусочками своей души, – Лигант опять улыбнулся. – Я считаю, это разумная плата. Но сейчас интересно, что решишь ты. Поэтому отдохни, подумай. Мы примем любое твоё решение. Один из вожатых проводит тебя.

Вожатых?

– Проводник, – ректор указал мне под ноги.

Посмотрев вниз, я увидел маленький жёлтый шарик с тёмными смешливыми глазками, который, убедившись, что я его вижу, начал меня слегка пинать по кроссовке и после каждого пинка улыбаться во всю полоску своего крохотного тёмного ротика.

Пока я думал, как на это реагировать и что это вообще за штука, шарик пнул меня сильнее, весело пропел: «Погнали!» – и покатился по розовой тропинке, а я послушно пошёл за ним, оставив ректора у фонтана с драконом и золотыми рыбками.

Глава 2. Рассвет силы

«Не дано увидеть те силы, которые позволено только ощущать».
(Апулей)

Он катился, то ускоряясь, то замедляясь, постоянно накатываясь мне на ноги. И всё время бормотал: «Харумпампам-барам-урам! Харумпампам-барам-урам!»

А я просто топал следом, внимательно глядя под ноги, – боялся наступить на шарик, когда он в очередной раз упрётся в мою кроссовку.

Когда впереди, на перекрёстке мраморных тропинок, показался бордюр, шарик помчался в его сторону так резво, будто с разбега взлетать собрался.

Я крикнул:

– Эй, стой! Я помогу!

Шарик тут же остановился, резко крутанулся, повернувшись ко мне лицом, ну, то есть той своей частью, где у него были глаза и ротик. А потом фыркнул, надул щёки, весело плюнул в мою сторону и... рассмеялся!

Дальше я минут пять наблюдал, как он, будто нервный йорк, напрыгивая, штурмует бордюр, при этом надувается, как рыба-фугу, и бурчит: «Кхrrrrrrrrrrбра! Кхrrrrrrrrrrбра!»

Но в итоге у него получилось! Ну, как получилось?.. Он перекатился прямо «на лицо», встряхнулся, а потом обернулся ко мне с победоносным видом: дескать, понял, каков я? И тут же проорал:

– Сам ты «эй!»

– Смешной ты, мячик! – сказал я, не подумав.

И тут же увидел надувающиеся для плевок щёки.

– Стой-стой-стой! – я не знал, то ли плакать, то ли смеяться – у меня баттл с мячиком-шариком, но уже понимал, что так мы не подружимся, а друзья мне нужны. – Я не хотел тебя обидеть. Я просто пока тебя не знаю. Прости, я был не прав. Давай дружить!

С минуту шарик так и стоял с надутыми щёчками, явно раздумывая, что делать дальше, а потом как-то растерянно начал сдуваться.

– Харумпампам-барам-урам! – пробормотал он, выжидающе глядя на меня снизу вверх.

И что я должен сказать в ответ?

– Как тебя зовут? – я спросил первое, что пришло в голову.

И тут, клянусь, он будто расстроился: бровки стянулись в одну линию, глазки сошлись в одну точку, будь у него нос, именно в этом месте располагалась бы переносица, ротик сжался в кружочек, и лицо стало жалостным, как у младенца, которому не дают любимую игрушку. Не знаю, как... но внезапно я догадался:

– У тебя нет имени?

Вместо ответа двойной глазик шарика скорбно моргнул, после чего он снизу стал печально им меня буравить.

– Так давай мы дадим тебе имя.

Шарик поколыхался вправо-влево, затем его глазки разошлись по своим местам, и я услышал повеселевшее:

– Харумпампам-барам-урам!

– Ну нет! Так мы тебя звать не будем.

Шарик хохотнул.

– А если Линкс?

– Сам ты Линкс! – пискнул шарик.

Я решил не объяснять ему, что так зовут хомяка моей двоюродной сестры Эвы. Тем более что второй вариант был от другого её хомяка:

– А Типпо?

Шарик задумался, но всё-таки своё «Харумпампам-барам-урам!» произнёс явно неодобительно. Предложить ему Макса? Ну... Нет. Какой он Макс?

– А если Киш? – так я в пять лет назвал пойманного майского жука, посадил его в коробочку из-под маминой пудры, навалил туда берёзовых листьев и очень расстроился, когда жук через пару дней умудрился отогнуть крышечку и смыться.

– Ладно, ладно! Не Киш! – поспешил я проорать, увидев начавшие надуваться щёчки шарика.

Сдувшись, он хихикнул:

– Подумай ещё!

Слово пришло из ниоткуда. Но, наверное, оно что-то значит? Потом посмотрю.

– Митро?

Шарик встрепенулся, крутанулся, и, клянусь, будь у него ушки, они бы точно встали торчком. Ему понравилось!

– Ми-и-итро-о-о! – радостно пропел шарик, развернулся и бодро покатился дальше. – За мной, сморкач! Харумпампам-барам-урам!

– Как ты меня назвал? – он нёсся так, что я едва за ним успевал. – Да, стой же! Ты можешь не бежать?

Ответом мне стало радостное хихиканье. Но скорость он всё-таки убавил, так что я снова перешёл на спокойное топанье.

– Посмотрите направо! – тоном заправского экскурсовода он отвлёк меня от размышлений о словах ректора.

Там красовался огромный розовый куст, каждый бутон на котором был размером с букет, а цвет лепестков буквально на глазах менялся, переливаясь от жемчужного до ярко-жёлтого.

– Эти розы создала Кибелла. Она красивая! И уже не сморкачка! – Митро обернулся ко мне с хитрым выражением на своём личике. – Хочешь, познакомлю?

– С розами – это к Дим Шилычу! – я внезапно рассердился на него, потому что...

Нет, не из-за «сморкачей». Я уже сообразил, что так они здесь называют начинающих студентов, и это их эквивалент слову «салага». А потому, что сердце сжалось при мысли о том, что моя жизнь теперь здесь, и из-за этого я могу никогда больше не увидеть Леру. Я скучаю по ней! Какая Кибелла?!

– Так-с! Значит ботаника нас не интересует! – ехидно пропел шарик, прокручиваясь после каждого слова, будто пританцовывая под только ему слышимую мелодию. – Понятненько! Но ты это... не бесись! И тебе когда-нибудь на голову свалится кулас с шоколадками! Давай лучше споём!

Я знаю хорошую песню!

– Не хочу я петь! – я не уверен, что, будь он в этот момент на расстоянии досягаемости, я не дал бы ему пинка.

– Сморкач-зануда! – не унимался шарик, продолжая перекатываться по мраморной тропе. – Только этого нам тут не хватало! Я бы тебя прямо сейчас выгнал, чтобы не нагонял нам тут тень на раду. Ладно, топай за мной. Медленно и печально.

– Ты просто не понимаешь... – я не знал, как ему быстро объяснить, что я чувствую.

– У меня нет ручек, ножек, носа и ушей! – весело проорал шарик, снова крутанувшись перед тем, как покатиться дальше. – Но мозги-то у меня есть! Понял, да? – он снова крутанулся, расплылся в улыбке и тут же скрипуче, как будто скрябал кастрюлей о кастрюлю, запел:

– Если тебе грустно, одиноко и нечем заняться, приходи ко мне! Постирай, приготовь, помой посуду! Построй мне беседку! Полей мой огоро-о-од! Покорми меня с ложечки-и-и! Погладь мои носочки-и-и!

Пел шарик безобразно. Но, как ни странно, мою печаль как ветром сдуло. Я улыбнулся:

– Что мне сделать, чтобы ты больше не пел?

– Ха-а-ам! – пропел он со смехом и тут же подмигнул мне правым глазом. – Но так-то лучше! Покатились дальше.

Несколько минут мы шли, вернее – я шёл, а он катился, в полном молчании. Я решил его прервать:

– Скажи, а много народу здесь учится?

– Кто знает? – отозвался шарик. – По меркам цветных миров, совсем крохи. Магическое образование у нас не входит в обязательную программу.

А вот в академии считают, что и так хватит, – тут он хихикнул. – Им просто не хочется с лишними сморчками возиться! Кстати, приготовься, – с этими словами он виртуозно вписался в поворот за очередным розовым кустом.

Когда следом повернул я, то увидел вход, прорубленный в высокой скале, фрагментами будто раскрашенной во все оттенки зелёного и светло-терракотового.

– Вот мы и пришли, большая розовая мышь! – Митро витками прокатился передо мной и замер, весело глядя на меня снизу вверх. – Здесь ты будешь жить!

От неожиданности я даже пропустил мимо ушей новое прозвище:

– Здесь?!

То есть они собрались поселить меня в пещере?

– Не рыдай! – увидев выражение моего лица, шарик рассмеялся. – Кулас с шоколадками уже где-то летит! За-а-а мной!

Он покатился прямо в арку входа, и по её каркасу тут же заполыхали сочно-зелёным какие-то знаки, очень похожие на руны, и как будто они слегка задымились.

– Не буянь! – Митро даже не замедлился на эти «спецэффекты». – Свои! А ты, сморчок, не отставай! Если тебя сейчас не спялят, то знай, что ты настоящий везунчик!

Спялят?!

Впрочем, чего мне бояться? Вряд ли они завели меня так далеко, чтобы укокошить дымящимися рунами.

Внутри было темно, как будто мрак слился с густым туманом. И только узкая светящаяся дорожка словно раздвигала всю эту мрачность.

– Вперёд! – скомандовал Митро. – Это дорога в твой новый дом. Катись за мной и ничего не бойся!

– Здесь у каждого своя комната? – я не мог понять, из чего сделана дорожка, кажущаяся невероятно мягкой.

– И своя комната, и исключительно свой путь к ней, – тихо пояснил шарик.

В итоге мы упёрлись в обычную, внешне ничем не примечательную чёрную дверь.

– Открывай! Твоя, – сказал шарик.

Я толкнул дверь, но она даже не дёрнулась.

– Очень смешно! – я посмотрел на Митро.

Вернее, в то место на дорожке, где в темноте угадывался его кругленький силуэт. А вот он, похоже, меня отлично видел:

– Что?!

Я почувствовал, как он меня слегка пнул.

– Вежливые люди сначала здороваются, потом говорят, кто они такие, и только после этого просят им открыть.

– Поэтому ты меня постоянно пинаешь и обзываешь сморчком?

От избытка вежливости?

– Делай, что говорю, сморчок – повелитель дверей!

Он снова меня пнул и тут же откатился в сторону.

– Здравствуйте! Я Денис! – я поверить не мог, что пытаюсь разговаривать с дверью. Но какие были варианты? – Откройте, пожалуйста!

Я чуть не присел от шока, когда дверь действительно открылась. Не из-за самой двери с характером. В конце концов, чем она интереснее и круче говорящего мячика-шарика? Вместо грустной камеры со столом, кроватью и умывальником, которую я ожидал увидеть в этой академической общаге, я оказался в потрясающих апартаментах. Похожие видел в рекламе пятизвёздочных отелей: с окном во всю стену, из которого открывался невероятный вид на зелёное ущелье с уходящей куда-то вниз голубой, как глаза Леры, рекой, огромным холлом, где неизвестный мне дизайнер расположил мягкие креслица вокруг круглого стеклянного столика

с чашами с фруктами и пирогами, и словно собранным из дюжины больших пуфов диваном, на котором могла свободно уместиться вся наша футбольная команда.

Одна из дверей уже в холле вела в маленькую, но заполненную гаджетами комнату со столом, явно для занятий, другая – в уютную спальню, где стояла огромная, заваленная подушками кровать.

– Упс! – я не знал, какие слова тут уместны. – Это точно мне?

– Да вот я тоже думаю, что они что-то напутали, – рассмеялся шарик.

– Очень смешно! Что я должен делать?

– Сейчас? – Митро сменил тон на деловой. – Устраивайся. Отдыхай. Поесть не забудь.

Справишься?

Я посмотрел на столик, на пироги и груши с виноградом.

– Я бы лучше суп съел. Солянку или щи! – только я это сказал, мне сразу захотелось извиниться.

– Ну, а кто тебе мешает есть твои щи?

Он издевается, что ли?

Я посмотрел на столик, потом на него, снова на столик...

– Митро...

– Да ты просто представь их себе! Зажмурься и представь!

– Чтобы ты тут поржал надо мной?

– И это тоже! – шарик хихикнул. – Делай, что говорят!

Ладно. Поверить не могу, что я это делаю: жмурюсь изо всех сил, пытаюсь представить себе тарелку наваристых золотистых щей.

– Ну всё, открывай! А то глаза лопнут!

Всё-таки до чего же он вредный шарик!

Я открыл глаза – и тут же увидел на столике... тарелку со щами!

– Офигеть! – шепнул я сам себе, причём очень тихо.

Но он меня услышал:

– Не офигеть, а магия быта. Не объешься! А мне пора.

– Нет! Именно «офигеть»! Прямо как в детстве! Только тогда надо было реветь, а не жмуриться!

– Реветь? Зачем? – кажется, будь у него ноги, он бы в этот момент нетерпеливо топнул ножкой. – И в каком ещё детстве?

– Ну... Когда-то я был очень мелкий, вроде тебя. А у нас, когда ты мелкий, стоит зареветь – и мама тут же покупает всё, что просишь...

Он тут же покатился к выходу, так что моё «спасибо!» прозвучало ему вдогонку, и уже откуда-то со светящейся дорожки пропел мне:

– Я не ме-е-елкий, я компа-а-актный!

Оставшись в одиночестве, я огляделся. Это что-то нереальное! Я точно уместен здесь? Как я вообще могу быть тем, кто всего этого заслуживает?

Щи пахли просто фантастически!

Я подвинул столик с креслицем поближе к окну, стараясь не расплескать щи, а потом уселся, взял ложку и принялся лопать самый вкусный суп из всех, что мне доводилось пробовать в жизни, пялясь в невероятный по цвету закат.

Когда я закончил свой ужин, то сообразил, что не понимаю, где я могу помыть посуду, но почувствовал такую усталость, что решил подумать об этом утром. Я доплёлся до спальни и просто упал на ворох подушек, тут же провалившись в мягкий сон без сновидений, успев лишь осознать, что не слышу никаких звуков...

Проснулся я, когда было уже далеко не раннее утро. Солнце почти в зените. Внизу, как зеркальная мозаика, переливается река. Но не только это выглядело чудом. Столик был

заново накрыт блюдами с омлетом, сладкими булочками и дымящимся кофейником. Как сказал Митро? «Магия была»?

Когда я уже пил вторую чашечку кофе и доедал третью булочку с творогом, любуясь на ущелье, раздался звонок, будто кто-то шмякнул по крохотному колокольчику. Я даже не успел произнести: «Входите», как дверь открылась и в комнату вкатился мой новый друг.

– Приве-е-ет! – весело пропел Митро. – Понтиус зовёт тебя. При нём не реви! Он тебе всё равно ничего не купит! Если готов, погнали!

И, не дожидаясь ответа, он тут же покатился обратно. Прихватив ещё одну булочку, я поспешил за ним. Мне кажется, или светящаяся дорожка изменилась?

Не кажется! Потому что она привела нас не к выходу из скалы, а к другой светящейся малахитовым светом двери, которая распахнулась ещё до того, как я до неё дошёл.

А там в большом и очень светлом зале с белыми резными колоннами уже стоял Лигант в бежевом балахоне, подпоясанном широким поясом с прозрачными зелёными камнями, с золотистой цепью и изумрудной подвеской на груди. Размером этот изумруд был с крупную компьютерную мышь. Я даже не представлял, что такие бывают!

– Спасибо! Всё, – ректор махнул рукой шарiku. – Ты больше не нужен!

– Что, никогда? – прозвучало дерзко.

– Катись отсюда! – улыбнулся Лигант.

– Обраща-а-йтесь! – пропел Митро и тут же исчез с громким хлопком!

Я даже испугался. Первое, что спросил:

– А он... это... Лопнул, что ли?

– Ненадолго, – понтиус усмехнулся. – Не переживай. Твой приятель жив-здоров и ещё не раз всех нас достанет.

Понтиус помолчал с минуту, потом добавил:

– Здравствуй, Денис!

– Здравствуйте!

– Давай начнём?

Я кивнул. Он провёл меня в следующий зал, где четыре человека (человека ли?) в таких же балахонах, как у него, но без изумрудов и вообще каких-либо украшений, стояли кружком и что-то оживлённо обсуждали.

Я остановился вместе с Лигантом шагов за двадцать до них.

– Ты всё обдумал?

– Я не знаю, – этот ответ показался мне самым честным, но он требовал пояснений. – Я хочу, но... боюсь опозориться. Боюсь, что завтра вы решите, что я здесь случайно и не стою ваших усилий. Мне страшно, понимаете? Страшно, что я стану не магом, а... не знаю, дубом-колдуном! Но я... попробую.

– Попробуешь? – понтиус поднял брови.

– Я очень постараюсь.

– Плохо, что ты сам сомневаешься, – он слегка подтолкнул меня в спину. – На свете нет ничего невозможного. Ну, или почти ничего. Но это узнают только те, кто никогда не сдаётся. Добро пожаловать в академию магии, Денис с Тери! Коллеги! – люди в балахонах будто только что нас заметили, но они явно были подготовлены к встрече со мной, потому что без слов Лиганта встали так, что образовали собой звезду: на краю верхнего луча встал сам понтиус, жестом приказавший мне встать в центр.

Я сделал это, зачем-то закрыв глаза. И будто утонул в оглушительной тишине, от которой у меня сначала началось лёгкое головокружение, затем миллионы мурашек пробежали по телу, а потом... словно огонь в голове.

И внезапно снова тишина, но какая-то тёплая.

И вдруг – яркие фрагменты воспоминаний.

Вот Стелла, которая на одном из моих дней рождения весело возмутилась, что торт на столе из магазина. Ткнула в него пальцем, лизнула и выдала:

– Сусло прессованное. Что, ленивые ёжики, нельзя было самим нормальный торт испечь?

Мама тут же возразила:

– Ну зачем, Стелла? Геморрой же!

– Ах, ну да, – хихикнув, поджала губы бабуля. – Забыла, что, если геморрой, есть можно только покупные торты.

А вот другая моя бабушка. По маме. Лада. Вернее, прабабушка. Из деревни. Однажды мы приехали к ней в гости. Мне тогда лет десять было. Она сразу же усадила нас пить чай с печеньем и стала расспрашивать, как дела. Неожиданно во время нашего чайного разговора за деревенским кухонным столом послышался писк, на который Лада, абсолютно не удивившись, среагировала точным броском печенья прямо под раковину в углу. Проследив за полётом овсяного кругляша, мы увидели высунувшуюся из дыры в полу серую мордочку с глазками-бусинками и роскошными розовыми усиками, которая хватанула печенье и тут же исчезла.

Мама сообразила быстрее нас с папой и тут же влетела на стул с ногами, взвизгнув:

– Бабушка! Это же крыса!

– Ну да, крыса, – Лада макнула своё печенье в чай, а потом

с явным удовольствием отправила его себе в рот. – Что ты орёшь? Это Лариска моя. Оказалось, что Лариска появилась за месяц до этого. Она быстро истребила всех мышей в доме, но начала хулиганить по ночам: потрошила пакеты с крупами в шкафах. Бабушка боролась, как могла. Заделывала щели в полах. Расставляла ловушки, но хитрая крыса обходила их стороной и буянила в шкафах с двойным усердием. Тогда бабушка сменила тактику: перед сном стала подкладывать у той самой дыры под раковиной еду – хлеб, сыр, печенье, кашу. В итоге наступило перемирие. Погромы чудесным образом прекратились. А крыска, если хотела есть, просто просила еду, высовывая нос на кухню...

А вот Верул. Картофельные гонки. Как же давно и недавно это было!

Мы тогда всей компанией размякли в перерыве между соревнованиями, сумев надегустироваться так, что на нас будто сонливый туман нагнали, а животы, казалось, стали огромными гириями. Тогда-то мы и разлеглись со свинами на диванах летней веранды одного из заведений, откуда открывался великолепный вид на главный парк Верула. Пока мы с Милым и Пухлым лениво рассуждали, что надо бы побывать в этом парке, Пузатый, занявший самый удобный диван позади нас, под навесом, мирно спал, смешно всхрюкивая во сне.

Спокойствие момента нарушил сначала резкий хлопок, от которого все мы подскочили, а затем истошный вопль Пузатого и звук шлёпнувшегося тела. Всё это происходило под громкий гогот довольного Папы Енота.

Буквально за пять минут до этого, увидев, что мы млеем на веранде, а Пузатый даже спит, он подослал банду хомяков, которые быстро связали свину ноги и удрали. Сам же он тихонько подкрался к нам и изо всех сил шмякнул об пол несколькими крышками от кастрюль.

Надо отдать должное Пузатому. Он прямо с пола, со связанными ногами-то, умудрился неуклюже, но эффектно пнуть Папу Енота, который от этой подсечки тут же упал с ним рядом. Однако хохотать не перестал!

И даже помочь предложил. На что Пузатый пробубнил: «Крышками по ушам себе врежь, это мне очень поможет!» – чем вызвал новый приступ веселья...

Когда я открыл глаза, то увидел, что все пятеро магов уже отошли в сторону и шёпотом, но явно эмоционально о чём-то спорят. Обо мне?

Я опозорился? Мне нужно узнать, но я почему-то не могу сдвинуться с места!

– Лигант! – мой голос эхом прокатился по залу.

Спор тут же прекратился. Все повернулись ко мне. Понтиус, сказав коллегам: «Минутку», подошёл ко мне.

– Я виноват?

– Не то! – понтиус оглянулся на четвёрку в балахонах, потом снова повернулся ко мне. – Это обычная инициация, цель которой – определить специализацию будущего мага, если ему удастся им стать. Её определяют маги всех стихий: воды, воздуха, огня и земли. Только они могут точно сказать, к чему у соискателя есть дар и кто им займётся.

– У меня нет дара?

– У тебя нет выраженной склонности к какой-либо из стихий, поэтому они не могут решить, что с тобой делать и кто из них будет тебя учить.

– Меня выгонят?

Лигант снова оглянулся на магов, двое из которых явно неодобрительно покачали головами, а потом, повысив голос, чтобы и они слышали, сказал:

– Я решил, что ты попробуешь себя в магии всех стихий. И начнёшь с магии воздуха.

– Понтиус... – один из магов-скептиков определённо хотел поспорить.

– Я уже принял решение, Медер! – тон ректора не терпел возражений.

И тут же смягчился, когда он снова обратился ко мне:

– Иди пока к себе, Денис. Твой... Как ты там назвал его? Митро? Он уже ждёт.

Глава 3. Испытание шариками

«Плохой учитель преподносит истину, хороший учит её находить».

(Адольф Дистервег)

Митро был необычно молчалив всю дорогу и укатился почти сразу, как довёл меня до двери. Лишь напоследок, крутанувшись вокруг себя, он пискнул:

– Пиу.

Я не понял, что это значило, но был благодарен ему за предоставленную возможность побыть одному и подумать обо всём, что со мной происходит. Осмотреться наконец!

Интересно, все их студенты живут в таких квартирках с панорамными окнами и видами на долину с сияющей голубой рекой под лучами Милды?

Странно, кстати, она греет, но, в отличие от нашего Солнца, совсем не жжёт...

От мысли, насколько далеко я сейчас от родного дома и ото всех моих близких, мне вдруг стало не хватать воздуха. Нужно открыть окно. Но как?

Я не видел ни створок, ни чего-то похожего на защёлки. Только сплошное стекло. А если я его кокну?

В горле пересохло.

Сок! Мне нужен сок! Из свежего манго!

Вот откуда я знал, что, обернувшись, увижу на столике стакан с соком?

И почему тогда сила моей мысли не работает с окном?

Сок оказался очень вкусным. Я пил его, наслаждаясь каждым глоточком, надеясь, что он долго не кончится, и вспоминал все детали инициации.

Станные они, эти маги. На зануд похожи...

Что значит «нет выраженной склонности»? Хотя бы пояснили, хорошо это или плохо.

Некоторые маги явно считают, что плохо...

Стоп! Кажется, настал момент для любимого выражения Стеллы: «Соберись, тряпка!»
Иначе прав Митро: кто я, если не сморчок? Распустил сопли...

Кстати, а почему не «сопляк»? Спрошу при случае.

И что, плохого-то? У меня будет возможность познакомиться со всеми направлениями магии и выбрать то, что по душе, или лучше получится.

О! А если мне удастся стать магом четырёх стихий?! Что тогда скажут эти четверо зануд?

Хотя... Это вообще возможно?

Но не зря же Лигант меня поддержал, несмотря на моё нытьё.

«Я боюсь, что у меня не получится...» Чего тогда было начинать с таким настроением? Должно получиться! Потому что я этого хочу. А ныть можно было и дома на качелях.

Я улыбнулся, снова вспомнив Стеллу и её коронное: «Соберись, тряпка!»

Всё, собрался!

Подумал: «Пора наконец допить этот сок», и обнаружил, что стакан пустой. Поставил его на столик, развёл руками, бросив в потолок вопрос: «Ну, а дальше что?»

В этот же самый момент услышал тихий хлопок и увидел появившееся прямо на стекле окна расписание. Как будто на интерактивном экране! Но это же просто стекло!

Или не просто? Впрочем, не важно...

«Подъём. Утренняя тренировка – 2 часа. Завтрак – 30 минут. Занятия по индивидуальному плану – 20 минут. Работа с наставником – 2 часа. Обед – 1 час. Свободное время – 1 час. Занятия по индивидуальному плану – 20 минут. Свободное время – 1 час. Занятия по индивидуальному плану – 20 минут. Свободное время – 1 час. Ужин. Свободное время».

Что? Всего три урока по 20 минут и куча свободного времени?! Что это за академия такая? У нас в школе у первоклашек занятий больше! Кстати, а что они мне преподавать собрались?

И снова. Только я об этом подумал, как будто кто-то невидимый начал писать на стекле огненными чернилами: история, рунология, артефакты, основы магии воздуха, базовая магия воздуха, менталистика...

Рунология? Серьёзно?

– Серьёзно! – услышал я за спиной.

Я вздрогнул и оглянулся, не успев дочитать весь список. Я не слышал, как он вошёл. Не слышал, как открывалась и закрывалась дверь. Но вот он стоит передо мной, скрестив руки на груди, и улыбается так, будто очень рад меня видеть.

Я бы дал ему около сорока лет. Одет в простую светлую рубаху и такого же цвета брюки с мокасами. Среднего роста. Соломенного цвета волосы, борода, как у викингов на картинках в книжках, чёрные смеющиеся глаза.

Он на секунду прижал руку к груди, шутливо поклонился и произнёс:

– Эилиль.

Я вздохнул:

– Я должен знать, что это значит?

– Я Эилиль. Твой наставник. Рад знакомству.

– Простите... Я... Я тоже... Но я...

Домямлить он мне не дал:

– Идём. Здешний парк прекрасен. Разомнёмся, поговорим. Ты отдышишься и перестанешь переживать о том, чего ещё даже не понимаешь.

Я не уловил, как мы с ним оказались на парковой дорожке из бежевого камня, в тени огромных дубов.

– Ты думал о том, почему люди на вашей Терии часто не верят в магию? Почему не любят и боятся тех, кто этой магией владеет? – глаза Эилиля, которые он с меня не сводил, оставались такими же смеющимися. – Ведь маги могут быть спасением.

Я пожал плечами и постарался тоже не отводить от него взгляда. Лишь бы не споткнуться! Надеюсь, камни на тропе ровные. Не то будет «сильно»: навернуться на первой же прогулке со своим наставником.

– Ну, наверное, потому, что наши маги никого не спасают...

– Уверен? – Эилиль улыбнулся так широко, что на его щеках даже под бородой стали заметны ямочки. – На самом деле у вас слишком часто магами называют себя фокусники... Или жулики. Если тебе нужен настоящий маг, тебе придётся очень постараться, чтобы найти его. Настоящий дар никогда не выставляется напоказ. И, уж тем более, не продаётся. Если дар начинают продавать, он очень быстро исчезает. Уп! – Эилиль щёлкнул пальцами. —

И нет его! Но если есть настоящая сила, то приходится выбирать: будешь ли ты разбираться в сути вопроса или будешь просто зубрить заклинания, тратя на них свою силу.

– А что, так можно? Просто зубрить? – не удержался я.

– Можно. И у тебя в итоге даже получится некое чудо. Но получится оно так, как его задумал другой маг, и его последствия для тебя и для тех, ради кого ты его делаешь, будут совершенно не предсказуемы. А вот если ты дойдёшь до сути, то сможешь создавать свою реальность, добиваться заклинаниями именно того, чего хочешь ты.

– Мне уже говорили, что магия – это использование знаний окружающего мира.

– Хорошо, – Эилиль кивнул. – Тогда давай поговорим об этом конкретнее.

– Конкретнее? – я боялся потерять нить его рассуждений и решил, что лучше спрошу лишний раз, чем буду делать вид, что понимаю, когда это не так, и опозорюсь потом.

– Элементарнее, – наставник снова улыбнулся. – Самое простое заклинание, с которого начинают все наши академикусы, – это создание волшебного шарика света.

Не знаю, что хуже – «сморкач» от Митро или «академикус» от Эилиля...

Но подумать об этом я не успел. Эилиль остановился, сказал: «Люменос», щёлкнул пальцами – и прямо перед нами возник небольшой голубой шарик, будто парящий в воздухе.

– Теперь ты, – он выжидающе смотрел на меня.

– Я? Да... Я не умею! Я не знаю, как это сделать!

Чего он вообще хочет от меня?

– Я хочу, чтобы ты сконцентрировался, поверил в то, что нет ничего невозможного. Сам для себя поверил! Почувствуй всю эту силу, которая тебя окружает. «Зачерпни» от неё немного.

«Зачерпни»? Он издевается, что ли?

– Колдуй! – мне показалось, или он сказал это со смешком? – Не спорь уже! Просто делай! Колдуй... Ладно...

Я зажмурился, зачем-то попытался напрячь все мышцы и сам не заметил, как сжался, будто перед ударом, и перестал дышать, пока не услышал:

– Я не просил тебя пытеть и надуться, как рыба фугу.

Я выдохнул и открыл глаза.

– У меня...

Произнести «не получится» я не успел. Он словно перебил мою мысль сердитым:

– У тебя, что?

Ух! Я снова зажмурился и, подбодрив себя всё той же репликой: «Соберись, тряпка!» – решил, что не открою глаза, пока не почувствую хоть что-то.

Не знаю, как долго я так стоял, но вдруг почувствовал, будто нахожусь в тёплом, густом море, волны которого могут унести меня, куда я только захочу.

Это что, и есть сила мира? И если да, то как я должен её черпать?

Непроизвольно я попытался сделать это руками. Глупо, наверное, выглядит, как я машу руками, ловя воздух, но... стало реально теплее – в руках, груди, голове.

– Люменус! – заорал я, щёлкнув пальцами.

Щелчка не получилось. Мокрые от волнения пальцы предательски скользнули друг о друга, издав противный водянистый «чпок».

Выступил, горе-маг... Даже фокусника не выходит, разве что клоун.

Я открыл глаза и увидел улыбающееся лицо Эилиля. Но – никакого шарика.

– Во-первых, не люменус, а люменос, – весело заметил Эилиль. – Будь внимателен к деталям. Тем более, если говоришь заклинание, вообще не понимая, как оно работает.

– Простите...

– За что? Ты молодец. Пробуй снова.

Он шутит, что ли? Снова так же позориться?

Но нет. Лицо у него абсолютно серьёзное.

Ладно. Лишь бы руки больше не потели. А то даже щёлкнул, как плюнул...

Я потёр ладони о штаны, зачем-то выставил ноги на ширине плеч, зажмурился... и стал ждать силы тёплого моря.

Как ни странно, на этот раз та самая вязкая теплота накатила почти сразу.

– Люменос, – сказал я почему-то шёпотом, зато щелчок получился что надо.

И когда я открыл глаза, голубой шарик бодро маячил прямо у меня перед носом.

– Молодец! – одобчительно сказал Эилиль. – Теперь ты становишься похожим на мага... Ты понял, кстати, почему именно шарик света?

А не кубик, например?

Я пожал плечами. Так оно всегда будет? Словно всё время нужно быть готовым сдавать какие-то зачёты... Не помню я этого! Наверное, что-то из физики...

Эилиль не унимался:

– А фиолетовым или красным свет может быть?

– Я не могу помнить всё на свете! – прозвучало грубо, нехорошо, как от обиженной девчонки.

Но чего он ждал?

– Можешь, – улыбнулся Эилиль. – Но об этом мы ещё поговорим. Шарик, а точнее сфера, потому, что все системы во Вселенной стремятся к затратам минимума энергии. Можно сделать и кубик, и параллелепипед, и всё, что угодно, но это потребует дополнительных сил и знаний. Что касается света, то, надеюсь, ты знаешь, что свет – это видимое электромагнитное излучение, создаваемое электронами при переходе из возбуждённого состояния в основное. Все источники света можно разделить на два типа. Первый – источники, свечение которых обусловлено высокой температурой. Вторые не связаны с нагреванием, это так называемая люминесценция.

– Светлячки? – решил я блеснуть знаниями.

– Нет, – тут же ответил Эилиль. – Хотя светлячки – тоже чудо. Но мы говорим об искусственном свете. Цвет свечения определяет люминофор. Например, сульфид цинка с серебром даст синее свечение, с медью – зелёное, а сульфид иттрия с европием – красное. На этом принципе основана работа того, что вы называете телевизором, или неоновой рекламы. Главное, не забыть присоединить электричество, которое будет переводить электроны в возбуждённое состояние. В нашем случае, – он весело улыбнулся, – роль электричества играет сила мага.

Я почувствовал, что в его последней реплике есть какой-то насмешливый подвох.

– А мне вообще долго ждать, когда у меня будет эта сила?

– Если ждать, то долго, – улыбка наставника стала ещё шире.

А я ведь уже слышал такую интонацию! Каждый раз, когда Пухлый объяснял Пузатому суть очередной своей инженерной новинки, а тот всегда стоял с умным видом и кивал, будто всё-всё понимает, но «палился» на дополнительных вопросах вроде: «То есть эту штуковину направить к этой пимпочке и получится?»

Терминами «штуковина» и «пимпочка» Пузатый называл почти все чудеса технической мысли, с которыми сталкивался. А поскольку его другом был настоящий изобретатель-гений, видел он их много. Поэтому, видимо, думая всё время о том, как побыстрее набить животик, он и не мог запомнить оригинальные названия.

Как-то раз Пухлый, сохраняя серьёзное выражение лица (только глаза его выдавали, да пяточек вздрагивал от усилий не смеяться), объяснял:

– Именно так. Смотри, если этот контроллер не сработает, то система дублирует управление через другие контроллеры, которые располагаются здесь и здесь, – тут он, например, показывал Пузатому на схему управления системой климата в одном из отсеков новой модели куласа. – Понимаешь?

– Что тут не понять? Всё очевидно, – кивал Пузатый, но тут же уточнял, —то есть с нашей едой всё будет нормально? Гарантируешь? Она не замёрзнет и не зажарится?

– Да с едой всё будет хорошо, – тут-то он и появлялся – тот самый насмешливый подвох в голосе. – Ты только о картошке беспокоишься?

– Почему? – возмущался Пузатый. – О яблоках и морковке тоже.

И об авокадо. И о капусте. И о дынях. Поэтому скажи мне честно, сколько места займут эти твои новые штучки? Надеюсь, не полкуласа? Если они большие, нам на корабле они не нужны!

– То есть для тебя взять с собой в полёт лишние мешок картошки, три морковки и две дыни важнее, чем наша общая безопасность? – в этом месте Пухлый хмурился и суживал глаза.

Но в споре о еде (а все его споры сводились к разговорам о еде) Пузатого было не сбить с пути:

– А ты мои картошку с дыней жрать не будешь, что ли?

– Буду, но...

– Вот и молчи! Думай, как уменьшать твою штуковину...

– Конт... Контр... Контроллер! – Пухлый начинал заикаться, когда уже откровенно уговорал от смеха.

– Не важно! Потому что, если еды не хватит, мы погрустнеем, похудеем, высохнем и потеряем присутствие духа и наше природное обаяние! А в каком из миров нужны такие гости? Кстати, уже пора перекусить, а то я скоро говорить не смогу от голода, не то что разбираться в твоих пимпочках.

– В контроллерах, Пузатый! Я говорил тебе о контроллерах! – хохотал Пухлый.

– Я понял. Я умный. Я сразу всё понял. Что ты разорался? Есть пошли!..

Я очнулся от воспоминания о друзьях и в упор посмотрел на Эилиля.

– А как же помогают щелчок пальцами и слово-заклинание «люменос»? – вернулся я к нашим шарикам.

– Никак, – Эилиль снова улыбнулся так, что стали видны ямочки под бородой. – Это просто понты и спецэффекты. Зная формулу люминофора и используя силу для его создания и возбуждения электронов, я могу создать светящийся шарик любого цвета. Без всякого цирка с пальцами и заклинаниями.

И только он это сказал, как перед моим носом замаячили светящиеся шарики: синие, зелёные, красные, жёлтые... Действительно, он даже не щёлкал.

– Но, по правде говоря, «люменос» гораздо проще, – рассмеялся Эилиль. – Идём дальше? А то тебя ждут, а мы задержались с этими шариками.

Ждут? Где? Мы же просто гуляем!

Или здесь вообще ничего не бывает просто?

Мы дошли до арки, которая оказалась входом в огромный, геометрически идеальный парк. Его будто по линейке расчерчивали. Ровные, как ремни, дорожки, газоны, словно вырезанные на поверхности огромным ножом, в форме безупречных квадратов, прямоугольные пруды, подстриженные чёткими кубиками кустарники... А в центре – здание, словно сотканное из кружев. Только это явно мрамор... Жёлтый мрамор.

– Мавританский дворец, – ляпнул я, даже не успев подумать, откуда мне вообще это в голову пришло.

Я даже не помнил, что такое Мавритания...

– Это факультет менталистики, – пояснил Эилиль. – Иди. Тебя там уже ждут. Мы с тобой снова встретимся завтра, на утренней тренировке. Проводника я пришлю.

– Митро!

– Что? – наставник нахмурился.

Не знаю, зачем я выкрикнул: «Митро!» – и тем более, почему решил упереться. Наверное, потому, что он так радовался имени... Мой первый друг в Оранжевом мире!

– Его зовут Митро! Он не робот и не мебель. Он живой!

– Уверен? Хорошо, я пришлю Митро, – Эилиль снова улыбнулся до ямочек и – я совершенно не понимаю как! – тут же исчез.

Ну да, получилось совсем без понтов и спецэффектов.

Факультет менталистики, значит? Ладно, иду.

Глава 4. Лучший из миров

*«Важно уметь не только хорошенько пораскинуть мозгами,
но и потом собрать их в кучу».
(Статус из соцсетей)*

Не так я представлял себе академии! Точно не такую звенящую тишину во дворце, где каждый сантиметр стен хочется рассматривать и рассматривать, а если прикасаться к ним, то только в шёлковых перчатках.

Войдя, я просто замер на месте и даже не заметил этого!

Восточная шкатулка. Точнее не объяснить то, что я увидел внутри.

По-моему, в этом зале есть цвета, которых не бывает в природе. Или бывает?

Ладно ещё это смешение невероятных по оттенкам красок!

Но неизвестный мастер, создавая потолок, стены, двери, колонны, арки, смиксовал мозаику и фрески, лепнину и яркие витражи...

Кажется, должно быть абсолютно не сочетаемо, но почему тогда так красиво?

«Каска с рюшками».

Я улыбнулся. Стелла так говорит о вещах, картинах или зданиях, которые ни на что не похожи, но именно поэтому ей и нравятся. Стелла бы оценила всю эту красоту...

«Так ты идёшь? Или я всю библиотеку к тебе перенесу?»

Смешно.

Но, что интересно, я даже не вздрогнул. Уже начал привыкать к голосам в голове? Или окончательно спятил?

– Говори, куда! – от себя телепатического чуда я не ждал, поэтому вопрос задал вслух, задрав голову к потолку, так громко, что, казалось, витражи звякнули.

– Сюда! Наверх и направо, – ответ словно эхом отбился от стен.

Мне ответили голосом! При этом я даже не понял, мужчина это сказал или женщина.

Я огляделся в поисках лестницы. Вот она, за колонной: спиральная (и любят же они тут спирали!), кованая из жёлтого металла. Похоже, очень старая.

Но ещё более древней оказалась библиотека, куда эта лестница меня привела. Как в кино – десятки отсеков и стеллажи во все стены метров на пятнадцать в высоту, от пола до потолка забитые книгами.

Сколько веков они потратили, чтобы собрать всю эту мудрость мира? Или миров?

Думая об этом, я шёл мимо стеллажей «направо», как сказал мне голос, пока за одним из них не упёрся в массивный стол из какого-то очень старого, почти чёрного дерева с белыми прожилками. Стол был пустым, но сразу за ним у окна стоял... Не знаю, как его правильно назвать. Точно не человек.

На жителей Жёлтого и Зелёного миров он тоже был не похож. Существо?

В лёгком тёмном костюме (рубашка и брюки), без единого украшения. Довольно высокий. Две руки, две ноги, но очень странная – большая и лысая – голова в форме яйца.

Когда он повернулся ко мне, я увидел, что на его лице нет ни бровей, ни даже ресниц, а кожа белая и совершенно гладкая. Неживая, как фарфоровая тарелка.

– Люблю это место, – существо смотрело мне прямо в глаза.

– Библиотеку? – я спросил, чтобы хоть что-то сказать.

Существо кивнуло:

– Да, библиотеку. Книги – это же не только вся мудрость мира... То есть миров. Они символ того, что можно назвать бессмертием.

– Электронные книги удобнее...

– Не всегда. Но мне не только поэтому жаль, что книги, которые можно потрогать, уходят из вашего мира, потому что электронные вам кажутся удобнее. Ты ведь ещё не прочёл ни одной книги в переплёте? – ответа не последовало. – Технологии – это прекрасно, но читать с холодного экрана и читать, листая страницы, – это очень разное чтение. Когда ты попробуешь, то поймёшь, почему я так люблю брать в руки настоящие книги и чувствовать их тепло, их запах и ауру всех, кто читал их до меня.

Я даже не успел додумать это слово в голове, а существо на него уже возразило:

– Нет, Денис, я не душила.

Я вздрогнул. Теперь так и будет? Ни о чём подумать нельзя? И зачем тогда я орал вниз, если у меня в башке все мысли и так считываются?

– Думай, конечно. Ты здесь как раз за этим, – я снова вздрогнул, а существо продолжило. – Меня зовут Джехути. Но ты можешь звать меня Тоут. Хочешь о чём-то спросить?

– Здесь есть другие студенты?

– Конечно. В академии учатся одарённые студенты из самых разных миров. Но с Терири до сих пор не брали никого. Ты первый.

Приступ гордости у меня закончился, едва начавшись, когда я представил, что скажет Стелла, если у меня будет шанс рассказать ей об этом.

«Первый? Ты? Тоже мне, Гагарин сопливый!» – вот что она скажет, а потом добавит что-то вроде: «Мусор не забудь вынести, первопроходец!»

У Стеллы не зазнаешься...

Тоут молча, с улыбкой, смотрел на меня, будто изучая, а потом спросил:

– Тебя пугает, как я выгляжу?

– После свинов в космолётах и собачьей межпланетной армии? Ничего меня уже не пугает. Просто раньше я не видел таких, как Вы, – я решил не пытаться говорить вежливее, чем думаю, всё равно ничего скрыть не удаётся. – Но если людей здесь не было, откуда взялись маги, к которым меня водил Лигант? Они – люди.

– Нет, – мягко возразил Тоут. – Они совсем не люди. Но в тот момент приняли знакомый тебе образ. Чтобы не пугать и не отвлекать тебя от того, что действительно важно. Вы, люди, очень много думаете о том, как что или кто выглядит, и часто упускаете главное. Когда ты изменишься, если сможешь, и перестанешь совершать эту ошибку, никто и никогда не будет рядом с тобой изображать кого-то, кем не является на самом деле.

Всё-таки он душила!

Я не успел остановить эту мысль, и реакция последовала немедленно:

– Хорошо, я душила. Как бы ты то же самое сказал?

– Простите меня, я не хотел...

– Как бы ты это сказал? – его голос прозвучал настойчиво и немного нетерпеливо. – Ну, или как бы люди это сказали?

– Нефиг отвлекаться на внешнюю фигню, тогда не профукаешь главное.

– Фигня, нефиг, профукаешь... Блестяще! – Тоут усмехнулся.

– А мы... Мы уже занимаемся? Или ещё нет?

– Мы знакомимся.

– А где мы будем заниматься?

– Нефиг отвлекаться на внешнюю фигню! – сказав это, он снова усмехнулся. – Если серьёзно, учиться ты сможешь прямо у себя в сознании. Добро пожаловать в ментальный мир! Ты ещё удивишься, насколько он бесконечный.

– Угу... Да я уже сомневаюсь, что всё это в реальности, что я в здравом уме, а не в бесконечности...

– Ты мне нравишься. Ирония – хорошее качество, не теряй его, – Тоут присел на край стола. – Но сам подумай, что такое в здравом уме? А что такое реальность? Для твоего мозга

реальность и воображаемый мир – абсолютно одно и то же. Ты же просыпался хоть раз в жизни от кошмара, который казался реальным? А с чего ты думал, что это фантазия? Может, ты слышал о людях, которые живут в мечтах и в воображении, не обращая внимания на действительность? Иногда они гораздо счастливее практических реалистов. Просто их жизнь там, где реалисты не ходят. Но это тоже настоящая жизнь!

– У меня уже мозги от всего этого плавятся, – признался я моему... Наставнику?

А, кстати, кто он мне?

– Ничего у тебя не плавится и расплавиться не может, – улыбнулся Тоут, скрестив руки на груди и всё так же сидя на краю стола. – Думай! Всегда думай! «Плависься» ты из-за эмоций, потому что переживаешь, справишься ли. А мозг никогда не устаёт от интеллектуальной работы, это самый совершенный биокомпьютер, но он тоже не автономен. Если каждый день делать одно и то же, этот компьютер начинает работать на автопилоте в полуспящем режиме.

Для развития ему нужны встряски. Мозги, как угольки в костре, их постоянно нужно шевелить...

– Чем?

– Кочергой!.. Ну, конечно, работой, Денис! Мозг нужно загружать, тренировать и развлекать! Учёбой! Да чем угодно: книгами, головоломками, кроссвордами, кино, полезной едой, спортом на свежем воздухе, мечтами... Витать в облаках – это тоже полезно. Мозг постоянно хочет быть занят. Не зря на твои запросы он откликается даже тогда, когда ты этого не осознаёшь. Например, если ты вдруг задумаешься о машине конкретной марки, то тут же начнёшь видеть повсюду именно такие машины. Не потому, что их стало больше, а потому, что твой мозг пытается дать тебе то, чего ты хочешь.

Он видит то, о чём ты думаешь. И стирает ненужное.

– Стирает? Это как?

– Если ты что-либо забываешь, это значит, что ты этими данными давно не пользовался, и твой биокомпьютер решил, что они уже лишние. Так что о важном вспоминай как можно чаще... – тут он сделал паузу и совершенно неожиданно для меня спросил. – Давай начнём?

Я даже не заметил, когда он встал со стола.

Но послушно прошёл за ним за стеллаж, где лежали два плетёных коврика из соломы – в полуметре друг от друга – и свечка на пластине из камня. Тоут по-турецки сел на один коврик и жестом пригласил меня устроиться на другом.

– Первое, чему ты должен научиться, это самостоятельно заходить в ментальный мир, – по тому, как изменился его голос, я понял, что сейчас лучше только слушать.

И слушаться. Но не удержался от вопроса:

– Мне точно туда надо?

– А сам ты как думаешь?

Я промолчал, и Тоут пояснил:

– В ментальном мире можно задать любую скорость течения времени. Всего одна минута в Оранжевом мире будет равна месяцу обучения в ментальном.

– Так давайте за день всё освоим!

– Ты когда-нибудь был на шоколадной фабрике?

– На конфетной...

– Чего всё сразу там не слопал? – Тоут протянул руку к свечке. – Сядь наконец. Пока тебе больше минуты нельзя там находиться, иначе потеряешь связь с реальностью. А это не то, что нам нужно.

Он зажёл свечку, просто прикоснувшись к её фитилю, и протянул ко мне руки ладонями вверх. Секунду поколебавшись, я вложил в них свои.

– Закрой глаза и представь место, где тебе было хорошо.

Дом. Совсем детское воспоминание: папа подкидывает меня вверх и тут же ловит под паникующее мамино: «Не урони!» Парк. И Лера рядом... Пляж в Испании. И мы со Стеллой смеёмся непонятно над чем, делая звёздочки на песке... Опушка берёзового леса на окраине Сыпина, куда мы с родителями выезжали на пикник, когда мне было лет десять...

Я сам не понял, в какой момент это произошло, но после накатившего густо-белого, как молоко, тумана, я вдруг оказался на той самой опушке.

С одной стороны – берёзы, с другой – поляна, заросшая травами и полевыми цветами. Солнце светит так ярко, что хочется зажмуриться. И мы с Тоутом, голова которого под лучами сияет, как начищенный тазик, сидим друг против друга, держась за руки.

Представив, как это выглядит со стороны, я хихикнул. Тоут чуть улыбнулся, но тут же покачал головой, дав понять, что веселиться не время.

– Красиво у вас на Тери! – и он не удержался.

– По-разному.

Зачем я это сказал?

– Я знаю. Сосредоточься! – наставник отпустил мои руки и без отрыва уставился куда-то мне за спину, продолжая говорить. – Ты должен понять и принять, что нет ничего невоз-

можно. Все ограничения только в твоей голове. Научись управлять ими, сможешь менять свой ментальный мир так, как сам этого захочешь. Реальный, кстати, тоже. Обернись.

Я оглянулся – и буквально в пяти шагах увидел выложенный камнем родничок, которого, готов поклясться, никогда на этой поляне не было.

– Теперь ты! Представь в деталях, что ты хочешь создать, и приложи к этому силу!

Я попытался найти в себе силу, напрягся, глядя прямо перед собой и, конечно, нарвался на насмешливое:

– Силу, Денис, силу! Тужиться не надо!

Полчаса мне понадобилось для первого удачного опыта. Ну, как удачного?.. На поляне образовалась кривая зелёная пирамидка из еловых веток. При этом ни одной ёлки в тех местах не растёт.

– Решил построить домик хоббиту? – рассмеялся Тоут.

– Не совсем, – я начал чувствовать себя полным бездарем. – Куда его теперь девать?

– Просто рассей.

Кому просто-то? А сам сейчас опять начнёт прикалываться: «тужься – не тужься»?

– Про силу не забудь!

Я не смотрел на него, но чувствовал, как он улыбается. И вдруг разозлился, направив эту злость на пирамидку, которая в ту же секунду прямо у меня на глазах превратилась в пыль.

– Видишь? Сила в тебе есть, – Тоут выдержал паузу. – Так что перестань сомневаться. А чтобы получилось то, что действительно хочется, нужно очень хорошо представить этот предмет, до мельчайших подробностей.

Я решил попытаться удержать в себе эту злость, раз так хоть что-то получается, и начал в голове будто декорации строить.

И когда он появился из ниоткуда – высокий шалаш из еловых веток, я чуть было не заорал: «Йох-хо!», но тут же услышал в голове: «Тсс! Не спугни»!

Сам я это себе сказал или Тоута услышал? До сих пор не знаю. Их под моим взглядом как будто собрали из воздуха – копну свежего сена у входа, столик из берёзовых стволов, два пенька-табурета...

Ну теперь-то можно орать: «Йох-хо»?

– Аскетично, – коротко сказал Тоут.

Я обернулся.

– Диван здесь был бы неуместен, – ляпнул я, не понимая, похвалил он меня или наоборот.

– Если захочешь изменить здесь что-то, действуй! В любой момент.

Но главное сделано. Это теперь твоё место для обучения. Чтобы попасть сюда, тебе нужно только захотеть. Ну, и придать желанию силу.

Тут раздался тихий треск.

– Время! – шепнул Тоут.

В реальность он меня вывел, снова взяв за руки. К тем же коврикам и той же свечке, которая даже наполовину не расплавилась. И тут же ошарашил приказом:

– А теперь вернись обратно!

Мои сомнения он уловил быстрее, чем я их осознал.

– Не бойся, я с тобой. Но на этот раз всё делаешь сам!

Однако одной успешной попытки моего «самообслуживания» ему оказалось мало.

Я ещё дважды возвращался к моим берёзам и обратно, пока он не сказал:

– Отлично! Ты готов!

Готов... Я поднял глаза на стеллажи с книгами, подумав, что мои пеньки с шалашом, конечно, прекрасны, но чему я там научусь? Без компьютера и книг?

– Научишься. Я уже настроил академическую библиотеку на твой «учебный класс». Теперь ты на своих пенках можешь задавать вслух любой вопрос – и тут же получать все материалы по нужной тебе теме. Все знания мира. Вернее, миров, – Тоут улыбнулся.

– Можно вопрос?

Когда он кивнул, я спросил:

– Сколько реального времени мы потратили сегодня?

– Десять секунд.

Пока я переваривал, как это вообще возможно, наставник добавил:

– Думаю, на сегодня достаточно. Митро (произнося это, он усмехнулся) уже ждёт.

...Мячик действительно был у входа на факультет. Закрыв глазки, он колыхался вправо-влево, бормоча в частушечном ритме: «Парури-кап! Парари-бап!»

– И что это значит?

Он аж подпрыгнул от неожиданности с испуганным воплем: «Йууухже-пру!» – и очень резко откатился в цветник, спустя минуту пискнув оттуда:

– Это ты, сморкач? – и тут же высунулся из-под бутонов этаким кусочком жёлтого пряника.

– С тобой только границу охранять! Ты выкатись уже оттуда? Или как?

– Границу?.. – из цветника выглядывало уже полмячика.

Выглядело это очень смешно.

Когда я наконец выманил его из укрытия, пообещав объяснить, что такое «граница», мы отправились на прогулку по парку. При этом Митро тут же забыл, что говорить должен был я, и сам начал, катаясь зигзагами от одного бордюра дорожки до другого, болтать без умолку. Иногда явно сочиняя:

– А вот смотри! Это дерево пятьсот лет назад посадил Великий маг Факури, сморкач из Тёмного мира, изгнанный с Атласа за то, что хотел уничтожить Королей!

– То есть его выгнали, а дерево оставили? – успел я встрять с вопросом в его несмолкающий монолог.

– А чем виновато дерево? – в голосе Митро послышалось искреннее недоумение, потом он продолжил. – Факури тогда вызвал на магическую дуэль понтиуса, и тот сказал ему, что добро всегда побеждает зло. А Факури ещё смеялся: «Конечно! Кто победил, тот и добро!»

– Ну, раз в итоге выгнали именно Факури, понтиус – явное добро!

Митро затормозил и развернулся ко мне, изучающе глядя снизу вверх:

– Смеёшься, что ли?

Я не выдержал – рассмеялся. Мячик обиделся и дальше катился молча, минут пять, пока мы не дошли до фонтана с драконом, где на этот раз не было Эилия.

– Ты знаешь, а я бы хотел быть драконом, – мечтательно произнёс Митро. – Драконы летали высоко, все их боялись... А меня, без рук, без ног, такого мелкого любой пнуть может. Если бы ты мог выбирать, кем стать, кроме себя, то кем бы хотел быть?

– Наверное, Робин Гудом...

– Это ещё кто такой? – насупился Митро.

– Это разбойник. Он жил у нас на Терии много-много лет назад в стране под названием Англия. Благородный отважный парень! Настоящая легенда!

– Так он же преступник, если разбойник.

– Ну нет! Он грабил только богатых и раздавал всё награбленное бедным.

Митро в упор уставился на меня и с каждой секундой хмурился всё сильнее, пока наконец его бровки не сошлись в одну линию, а глазки в один кружочек, и он не подвинулся ближе:

– Да он же просто дурак!

– Робин Гуд дурак?!

– Конечно, дурак! При нём хоть кто-нибудь работал? Богатым оно зачем, раз всё заработанное отнимают? А бедным тем более! Если им твой Робин всё приносит!

С этой точки зрения легенду о Робин Гуде на моей памяти никто никогда не оценивал. Но, подумав с минуту, говорить Митро, что он, кажется, прав, я не стал.

Глава 5. Весёлые старты

*«В нашей семье по утрам зарядкой занимается только
мобильник».*
(Шутка)

Я чувствовал себя грушей, которую испинали, выбив из неё все косточки. И понял наконец, что имела в виду Стелла под «усталостью ума», когда ты даже думать не в состоянии.

То есть после того, как мы с Тоутом «начелночились» к берёзам из моего детства, руками я всё ещё мог бы переделать кучу работы. Но заставь меня в этот момент решать контрольную или писать сочинение – без шансов. Я даже книгу сейчас читать бы не смог, так и застыл бы на одном абзаце, пытаюсь уловить мысль автора.

Что интересно, тропинки я не выбирал, правильно ли иду, не думал. Как будто тысячу раз уже ходил этой дорогой, и ноги сами знали, куда поворачивать. Или тропинки вели куда надо?

Уже в комнате усталость накатила новой волной, настолько мощной, что я даже на секунду задумался, идти ли в ванную: «Помыл бы кто...»

Зато когда я вышел после душа, на столе в фарфоровой тарелке дымилось моё любимое блюдо – пельмени со сметаной. Они знали, да? Впрочем, чего удивляться: в моей голове здесь кто только ни шурует!

Я умял все до единого пельмешка и отправился в кровать. Заснул, едва коснувшись подушки.

А разбудила меня «Зима» Вивальди, любимый мамин рингтон на телефоне. При этом звуки музыки словно нарастают, пока я лежал, потягиваясь, и думал, откуда они идут и почему именно Вивальди.

Когда стало слишком громко, я всё же собрал волю в кулак и начал сползать с кровати, чтобы найти источник звука и хотя бы убавить громкость. Но, как только мои ноги коснулись пола, музыка прекратилась сама, словно кто-то нажал кнопку «выключить».

Так это будильник?

Я убрал ноги с пола. Музыка тут же включилась снова. Будильник.

Ладно. Пора так пора.

Умыться как следует мне помешал сердитый стук в дверь. Пришлось почти бежать через всю комнату с мокрым лицом, чтобы открыть быстрее.

Но заметить, что на столе вместо завтрака стоит лишь стакан с соком, я успел. Омлета не заслужил, что ли?

В дверь, как выяснилось, колотил Митро. Стоило мне рывком открыть её, он тут же влетел в комнату и врезался в стол, не успев затормозить в прыжке для очередного тук-тука.

– Лупить головой по двери, когда у тебя, кроме неё, ничего нет, довольно глупо, – это я ему сказал вместо приветствия, наблюдая за его скачками по комнате.

Наконец Митро удалось затормозить. После чего он подкатился ко мне и, прошипев: «Кхrrrrrrrrrrбра!» и «Тормоз!», сделал вид, что плюнул мне под ноги. А потом застыл, выразительно глядя на меня снизу вверх.

– Тебя бешеные белки покусали? – я взял стакан и начал медленно потягивать сок.

Быть не может! Берёзовый?

– Наставник! Давно! Ждёт! Тебя! Ленивый! Ты! Сморкач! – он выкрикивал каждое слово после паузы, как будто слова – это оплеухи, и ему нужно время на новые замахи.

– Ладно-ладно! Я быстро! – я залпом допил сок и, на ходу одеваясь, побежал следом за покатавшимся из комнаты Митро, который то и дело оглядывался, будто я могу от него сбежать.

Так мы с ним – один катился, второй бежал – промчались по тропинкам через половину парка. В итоге оказались на площадке, очень похожей на те, что обустривают на военных базах для тренировок спецподразделений.

Странно, зачем это на Атласе? Из магов терминаторов делать? Они же и так могут всё...

Эилиль, стоявший у кромки площадки, в отличие от Митро сердитым не выглядел. Наоборот, он улыбался. Но от иронии не удержался:

– Выспался?

– Не совсем, – я пытался отдышаться, пока Митро нарезал круги вокруг нас и бормотал своё: «Кхррррррррбра». – Простите! Состояние такое, что сейчас снова бы поспать, потом вкусно поесть, а потом снова поспать!

Эилиль, отсмеявшись, заявил, что спать потом, поесть тоже, а сейчас – тренировка.

– Каждое утро ты будешь пробегать три километра, – он выдержал паузу. – Затем преодоление полосы препятствий и урок фехтования. Освоишь шпагу, адаптируем полосу препятствий к уже готовым навыкам.

Шпага?

– Бегать, прыгать... Шпага! Вы из меня собрались Гэндальфа делать или Д'Артаньяна? – прозвучало, конечно, нагло, но я был в полном недоумении.

Да ещё сердит и голоден.

– А что не так? – Эилиль словно не заметил моего тона. – Ты всегда любил спорт, насколько я знаю. Спорт – это здоровье, хорошее настроение, развитие рефлексов, уверенность, что невозможного нет... Разве всё это не важно для настоящего мага?

– Одно дело – бегать-плавать, совсем другое – шпагой махать. Вы бы ещё шахматы спортом назвали! Вообще было бы неплохо рассказать мне об этом накануне. Дать осмотреть эту полосу. Прикинуть, как я буду её проходить. Знаете, как у нас на Терию говорят? Семь раз отмерь, один раз отрежь.

– Пока ты там семь раз мерить будешь, – вдруг проорал Митро, – другие уже отрежут!

Эилиль, судя по выражению лица, явно удивился нахальству мячика, но его выпад одобрил: слегка поклонился ему и при этом дважды хлопнул в ладоши.

– Смотри не лопни от самодовольства! – не удержался я при взгляде на довольного собой Митро.

Он тут же пнул меня по ноге, сердито пискнув: «Кхрррррррррбра!» и бодро откатившись за Эилиля.

Наставник дождался окончания нашего баттла и продолжил:

– Позже я объясню тебе, Денис, зачем нужны фехтование и рукопашный бой. А пока – бежать! Только не забудь, что в забегах на стайерские дистанции, главное, не пробежать финиш!

– Но я даже не в форме!

– Улыбайся! И марш! – Эилиль сказал это так, что я тут же перестал спорить и втопил по ближайшей тропинке изо всех сил, проорав напоследок:

– Я никогда не видел, чтобы кто-то улыбался, бегая по утрам!

– Бегом! – крикнул мне вслед Эилиль.

– Никто не улыбается! – гаркнул я. – Это всё, что нужно знать о беге по утрам!

Кажется, я услышал, как он засмеялся.

Пробежав метров триста по выюющей среди деревьев тропинке, я сбавил скорость, сообразив, что надо распределить силы, или я уже через километр упаду «звёздочкой». А как, кстати, я назад прибегу, если тропа ведёт меня от площадки? И как я пойму, что уже три километра?

Сквозь кроны деревьев пробилось солнце и будто погладило меня тёплым лучом. Я продолжал бежать, выбрав наконец хороший темп.

Возник новый вопрос: здесь всегда лето, или бывают другие времена года?

А град, дожди, снег, извержения вулканов (если здесь есть вулканы), штормы, ураганы?

Кстати, если всё же бывают дожди и снег, то я и во время них бегать буду? Или магия местных распространяется даже на природу?

Внезапно идея управлять погодой мне очень понравилась. Интересно, это возможно?

Я и о другом успел подумать: а где все ученики? Ни одного пока не видел. Где-то же здесь и Милый. Не в академии, но здесь!

Может, меня, как котёнка, на карантине держат? Или... Или всё это не реальный мир, а иллюзия? Или, как они говорят, ментальный мир? И у каждого ученика он свой и с другими не пересекается?

Неожиданно я выбежал прямо к площадке, откуда и стартовал. Эилиль ждал меня в том же месте, где стоял, когда я убежал.

– Хорошо, что тропа круговая, – добежав до наставника, я наклонился, уперев руки в колени. – Иначе я не знаю, как бы нашёл дорогу и понял, что пробежал уже три километра.

– Она не круговая, – коротко сказал Эилиль.

– А как тогда... Как я?.. – я выпрямился, смахнув пот с лица.

– Любая дорога может привести тебя именно туда, куда тебе нужно.

– Это я так делаю? – сердце заколотилось намного быстрее.

– Нет. Ты пока так не можешь, – он улыбнулся, увидев, что я явно расстроился. – Я вижу, ты неплохо побегал. Но давай расскажу тебе обо всём по порядку.

Что, интересно, он имеет в виду?

Он же не сидел в моей голове всё это время?.. Или сидел?

– Устраивайся, – Эилиль указал на подобие лавочки у края площадки, только без спинки и ножек, дождался, пока я до неё дойду, и сел рядом, аккуратно сложив руки на коленях.

– Смена времён года здесь, разумеется, есть, – всё-таки он был в моей голове! – Сейчас разгар лета, поэтому так тепло. Но погодой в Оранжевом мире действительно управляют маги. Маги воздуха. Они делают так, что дожди или снег идут только по ночам, когда все спят. А днём у нас всегда светит Милда, – тут он посмотрел мне в глаза. – И да, ты будешь этому учиться.

– Только я? – я спросил, чтобы хоть что-то спросить.

– Может, да. А может, нет, – в его голосе появились весёлые нотки. – Ты не на карантине. На котёнка совсем не похож. Учеников в академии очень много. Но и академия не маленькая. Мы можем себе позволить выделить персональную территорию для занятий каждому академику. Ты ещё познакомишься с такими, как ты. Ну, – добавил он после паузы, – почти такими. Кстати, идею создания магических путей, которые ведут туда, куда нужно, в своё время предложил один из академикусов. На тот момент это почти всем показалось бредовой фантазией, но те, кто не вошли в «почти все», решили попробовать сделать это.

И тут же без какого-либо перехода он спросил

– Ты отдохнул?

Ответа он, видимо, не ждал, потому что уже через секунду, кивнув в сторону площадки, добавил:

– Подъём! Тебя ждёт полоса препятствий.

Сейчас?

Вслух я ничего не сказал, но Эилиль тут же ответил:

– Сейчас. И у тебя всего пятнадцать минут.

Я замер, пытаюсь подавить в себе панику.

И тут со своим коронным «Харумпампам-барам-урам!» из ближайших кустов выкатился Митро.

Это он меня так поддержать решил, что ли?

– Вот только тебя мне сейчас не хватало! – я еле удержался от того, чтобы не пнуть его обратно в кусты.

– Харумпампам... – обиженно буркнул шарик, надулся и, видимо, поняв моё настроение, откатился за Эилиля.

Я смотрел на то, что мне нужно преодолеть (за пятнадцать минут?!), и вообще не понимал, как я с этим справлюсь.

Представьте себе абсолютно вертикальные стены. Часть их, как я понял, нужно перепрыгивать – с одной на другую, используя каждую предыдущую стену как опору, а на следующую забираться подтягиваясь, а потом с неё сигать дальше. Был бы я шимпанзе, тогда да...

Дальше ещё хлеще. Широкий канал, до краёв наполненный водой, а над ним – от берега к берегу – натянуты канаты.

Он что, хочет, чтобы я по ним перебирался?

А потом широченные рвы с тонкими жёрдочками! Я похож на курицу?

На макаку?

Впрочем, чего я паникую? До жёрдочек не дойдёт. Я грохнусь вниз ещё с канатов.

И уж точно не доберусь до гибких колец, болтающихся на разной высоте.

Я так и не понял, то ли мне через них прыгать надо, как кошке в цирке, то ли по ним перескакивать – как раз до болота с плавающими по всему периметру кочками, чтобы, очевидно, по кочкам бежать дальше к вращающимся пропеллерам и гигантским маятникам. И если я от удара одним из этих метрономов не улечу куда-нибудь в кусты к Митро, то дальше останется ерунда: парящие верёвочные мостки, отвесная стена и с неё спуск по канату.

– Топчись не топчись, а начинать надо! Харумпампам-барам-урам! – бодро пискнул Митро из-за спины Эилиля.

– Идти? – я посмотрел на наставника, всё ещё до конца не веря, что он реально ждёт от меня невозможного.

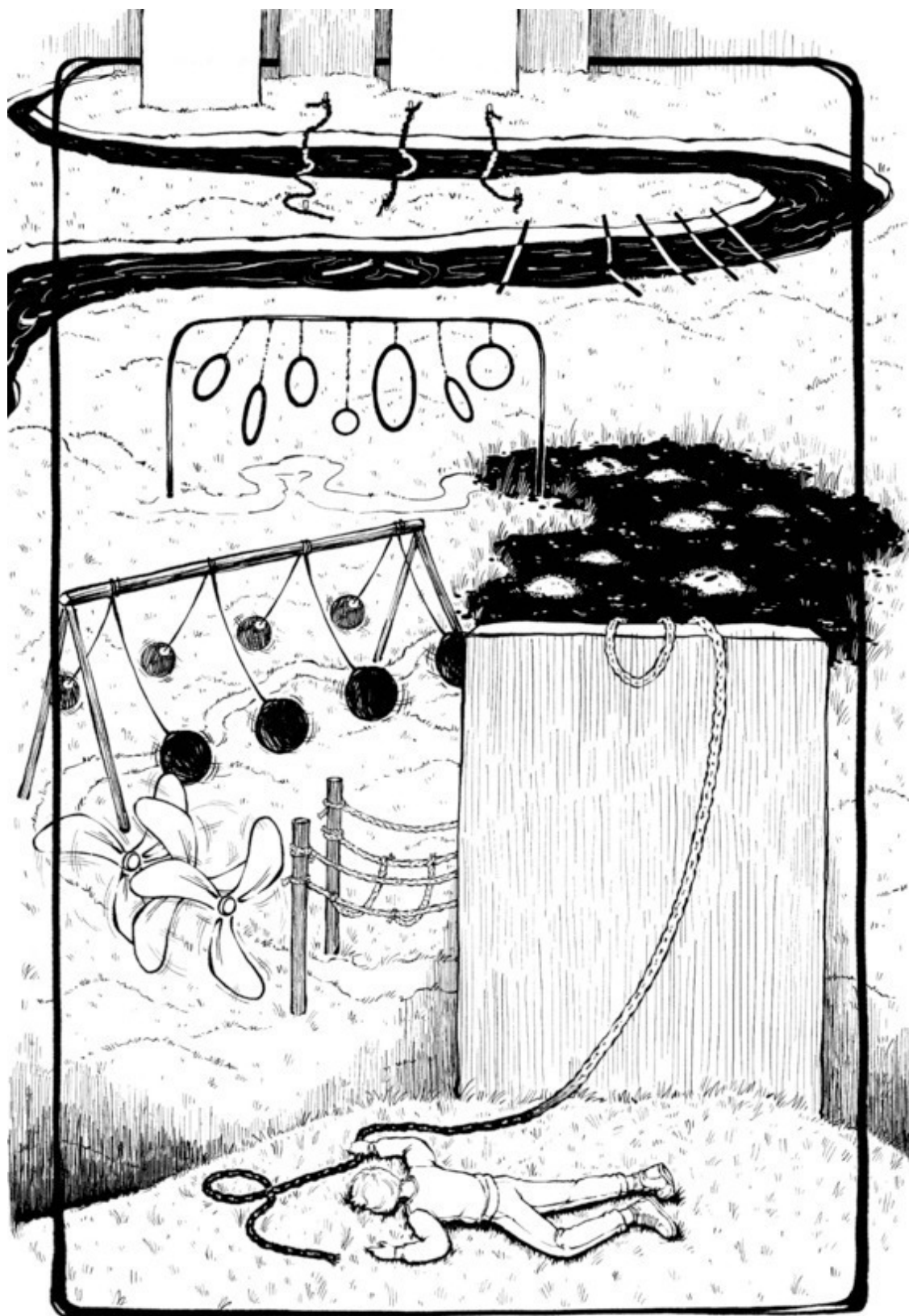
– Иди! Но ты сейчас видишь лёгкую версию полосы, – усмехнулся Эилиль. – Потом будут дополнительные факторы.

Что?! Выскакивающие из болота крокодилы и налетающие с неба, чтобы столкнуть меня с жердей, птеродактили?

Эилиль улыбнулся, почувствовав мой сарказм, но ничего не сказал.

Я легко залез на первую стену. Сложнее всего было сохранить равновесие наверху, чтобы оттолкнуться и ухватиться в прыжке за верх следующей. Дважды чуть не свалившись на этом этапе и ободрив себе все ладони, я всё же добрался до канала с канатами. А там свалился сразу. Поэтому решил дальше не изображать из себя канатоходца, а перебрался через канал, снизу цепляясь за канат руками и ногами.

С жёрдочками вышло ещё хуже. С первой я упал. Вторую сломал. По третьей попытался перелезть так же, как по канату, и снова грохнулся в воду. Причём выдернул жёрдочку из ниши и, окунаясь, получил ею по голове. Плюнул, как всё это выглядит со стороны, и просто переплыл по-лягушачьи на другой берег рва.

Как работать с кольцами, я так и не понял, поэтому просто залезал на одно, раскачивал его, держась изо всех сил, и старался хватануть следующее, чтобы перевалиться на него. В болоте тоже искупался. От кочек как опора толку не было никакого.

Я соскользнул с первой же, на которую попытался встать ещё у берега. Пробарахтавшись в грязи и ряске в попытках оседлать хоть одну кочку, я наконец вылез к пропеллерам и маятникам, решив, что они-то меня и прикончат. Но, как ни странно, очень быстро рассчитал интервалы их вращений и махов и дальше просто нёсся между ними, боясь только одного, что поскользнусь и тогда точно получу пинка, не успев отбежать вовремя.

Не поскользнулся.

Зато ещё долго позорился на отвесной стене, пытаясь удержаться на ней ободранными и скользкими руками и подтянуться с помощью ног, которые тоже пробуксовывали. Но всё-таки я на неё влез, перевалился и, едва схватив канат, безвольной тушкой скатился по нему на землю, доободрав на ладонях то, что ещё там оставалось целым, и упал лицом вниз.

Я не видел, как он подошёл. Но понял, что и он рядом, услышав обеспокоенное «Харум-бампам-парам-урам» и почувствовав что-то вроде шлепка по уху. Когда повернул голову и открыл глаза, то сначала уткнулся взглядом в жёлтый шарик, который внимательно заглядывал мне в глаза, мягко накатывая то на ухо, то на щёку, а уже за ним разглядел обувь наставника.

По телу будто бульдозер проехал...

– Завтра будет ещё хуже, – ободрил меня Эилиль.

– Не сомневаюсь, – кажется, я опять наглею.

Чтобы посмотреть на его реакцию, я, не вставая, перевернулся на спину. Улыбается...

– Зачёт! – я не понял, шутит он или говорит всерьёз.

– Смеётесь? Я же всю полосу прополз и проплыл на пузе...

– Ты не сдался. Урок был об этом. А для первого раза и «на пузе» сойдёт. Сейчас иди к себе. Прими душ. Смени одежду. Поешь.

– А если нет сил встать? Вы понесёте меня на ручках?

– Смешно! – Эилиль всё ещё смотрел на меня, скрестив на груди руки. —Поднимайся! И не забудь у себя в комнате, как пойдёшь в душ, попросить позаботиться о твоей одежде!

– Надеюсь, у вас тут есть стиральные машины. Если каждый день так будет, даже супер-волшебная прачка сбежит с вашего Атласа.

Буквально в следующую секунду наставник как в воздухе растворился. Но подумать об этом я не успел. Митро настойчиво потребовал:

– Вставай! Вставай же!

– Нет! Я занят! Делом, – решил отшутиться я.

– Каким делом, пффф, ты же лежишь тряпочкой!

– Лежать – это глагол. А глагол означает действие. Я лежу, значит, я действую...

– Кхрррррррррбра! – всё-таки больше никто на моей памяти так обаятельно, мастерски и искренне не ругается.

Даже Стелла.

Внезапно я почувствовал, как моё плечо само по себе приподнялось, а потом тут же упало – под огорчённое пыхтенье-кряхтенье откуда-то над затылком... Потом снова... Снова... И снова...

Поняв, что происходит, я ощутил комок в горле.

– Спасибо, Митро! Но лучше я тебя понесу, ладно?

Глава 6. Обещание бури

«Говорят, что от знаний никто не умирает, но скелет в кабинете биологии меня настораживает».
(Шутка)

Когда я, кряхтя, как старый дед, всё-таки встал, Митро попытался удрать, поняв, что я и правда хочу взять его на руки. Но я успел его поймать, нарвавшись на нечто новенькое в его жаргоне, сердито шипящее:

– Апптршффу! Апптршффу! Апптршффу!

Впрочем, он быстро прекратил ругаться, когда увидел состояние моих ладоней. Поднял на меня глаза, в которых – клянусь! – явно блеснули слёзки, и попытался сдвинуться у меня в руке так, чтобы не давить на ободренные места.

Всё-таки странно: этот шарик – он же не совсем живой... Его кто-то как-то создал! Кстати, кто и как?

Но если он неживой, откуда в нём все эти эмоции?

Дошли мы с ним быстро. Вернее, я. Шарик смирно сидел у меня на руке, прижимаясь к не сильно израненной части, и молчал, время от времени поднимая на меня мокрые глазки. Я старался на него не смотреть, иначе тоже бы, наверное, расплакался.

В комнате я положил (или посадил?) Митро на диван, а сам пошёл в ванную.

– Ничего не забыл? – это были его первые слова после «Апптршффу!» у фонтана.

Точно. Сказав ему: «Спасибо», я скинул с себя грязную и мокрую одежду, бросил её у порога ванной и объявил в пространство:

– Постирайте, пожалуйста!

Митро хихикнул.

– Расскажешь потом, кто тут шмотки стирает? – подмигнул я шарiku.

Он снова хихикнул, кувыркнувшись на диване.

Уже в душе, смывая с себя пот и болотную жижу, я понял, насколько голоден и как было бы здорово, выйдя из ванной, увидеть на столе йогурт, омлет и крепкий чай с молоком.

Буквально через десять минут моё желание сбылось. Даже с бонусом, в виде овсяного печенья. Но как следует обрадоваться завтраку мне не удалось – из-за удивления: на диване была аккуратно разложена вся моя одежда. Чистая, сухая, идеально отглаженная... Как это вообще возможно? Как? За десять минут!

– Ты постарался? – подколот я Митро.

– Апххх! – выдал он, снова хихикнув. – У меня и рук-то нет!

– У меня с руками сейчас тоже проблемы... Но язык-то есть? Позавтракаешь со мной?

Буркнув своё: «Апххх», он крутанулся вправо-влево и замер, внимательно глядя на меня. Типа головой покачал?

Ну а я оделся и с удовольствием съел всё, что мне приготовил невидимый повар, стараясь не обращать внимание на боль в ладонях.

– Скажи, – обратился я к Митро, потягивая чай, – не знаешь, зачем нужна такая физкультура? Я же не собираюсь вступать в армию Зелёного мира! А это всё точно выходит за рамки нормального спорта.

Митро молчал. Но слушал.

– Не в курсе, что дальше у нас на сегодня?

Шарик не ответил, но на стекле тут же высветилось расписание: история, артефакты и фехтование.

– Интересный набор, – продолжил я рассуждать вслух.

Ну а как? Нас же двое тут, надо пытаться общаться.

– Хотя совсем непонятно, как я такими руками шпагу удержу.

«Если готов, приходи!»

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, хотя мог бы уже привыкнуть к голосам в голове. Посмотрел на Митро – он явно ничего не слышал и выжидающе смотрел на меня. Значит, точно в голове.

Допив чай, я закусил оставшуюся печеньку и показал Митро на выход. Он тут же скатился с дивана вниз.

– На ручки пойдёшь? – не удержался я от шутки уже на тропе.

Митро фыркнул и тут же припустил вперёд, явно стараясь держаться от меня на расстоянии.

– Ладно, ладно, вредный ты колобок!

Я и сам понял, что обращение «вредный ты колобок» прозвучало у меня, скорее, как «ты ж моя прелесть». А что делать? Расчувствовался...

– Харумпампа-а-ам! – пропел Митро.

Он драпал так, что мне приходилось постоянно его догонять.

Но идти было приятно. Тишина. Дорожка будто пружинит...

Пахло почему-то морем и эвкалиптом, хотя вдоль тропы росли деревья, больше похожие на колоссальные по размерам укроп и пальмы, а не на эвкалипты... А ещё из травы то и дело начали выскакивать странные зверьки, внешне похожие на земных мышей-полёвок, но с длинными ушками, короткими хвостами и полностью розовые. Они выбегали на дорожку, тонко взвизгивали при виде нас: «Иау-у-у!» – и тут же, с отголосками этого визга, улепётывали обратно, забавно переваливаясь своими окорочками, будто там, в траве, сидели толпой и брали друг друга «на слабо»: «А ты готов выскочить перед человеком?» И самые отчаянные выскакивали.

– Кукусики, – сказал Митро.

Как будто это хоть что-то объяснило.

Он катился очень уверенно, как собачка, которая бежит по улице, чётко понимая, куда она бежит... Но мой вопрос: «Куда мы так спешим, мы же не опаздываем?» мячик проигнорировал.

И вдруг я, стараясь не наступить на бегающих туда-сюда и визжащих кукусиков, чуть об него не споткнулся. Потому что мячик неожиданно остановился, развернулся и уставился на меня, нахмутив бровки и даже не обратив внимания на очередного розового смельчака, который не рассчитав скорость, врезался ему в бок и, сделав смешной кувырок, понёсся обратно.

– Что?

– Как ты меня назвал, сморкач?

– Когда? – я искренне недоумевал, что на него нашло.

– Ты мне зубы не заговаривай! Кто такой колобок? – он нахмурился так, что его глазки сошлись в один, как у циклопа.

Будь у него руки, он бы, наверное, стоял руки в боки. Выглядело это очень комично. Но рассмеялся я не поэтому.

– Митро! Колобок – это очень милый персонаж сказки. Такой же кругленький.

– Сказки? – его глазки начали разъезжаться.

– Ну, легенды, – я не знал, как ещё ему объяснить.

– О! Легенды рассказывают о героях! – тут он улыбнулся, его глазки вернулись на место. – Я герой? Я воин? Я всех победил?

И вот тут я понял, что мне придётся именно для него заново сочинить «Легенду о колобке», потому что сказать ему: «Тебя съели», я просто не смогу.

– Сейчас уже времени нет... Давай я расскажу потом, ладно? – к тому времени я наверняка что-то придумаю. – Это потрясающая история!

На самом деле я надеялся, что он об этом забудет.

...Наставника мы нашли в парке, у фонтана с драконом. Струи на этот раз били совсем по-другому: постоянно меняли направление, будто танцуя.

– Опустит руки в воду! – сказал Эилиль, кивнув на чашу фонтана.

Я ещё до того, как послушался, догадался, что увижу (а вернее, чего не увижу), когда достану руки из воды, но всё равно это было сродни шоку – просто мокрые ладони, на которых нет ни одной мозоли или раны... И вылечил их явно не фонтан!

Я вытер руки о брюки, вызвав усмешку Эилиля.

Затем он осмотрелся и, убедившись, что Митро уже откатился на приличное расстояние, сказал:

– Прежде чем мы начнём, я хочу тебя кое о чём спросить...

Это было что-то новенькое – то, как он это произнёс.

– Валяйте! – махнул ему я и тут же испугался, что это прозвучало грубо и нагло. – Ой, простите! Конечно, я Вас слушаю.

Но Эилиль словно думал о своём и поэтому не заметил ни «валяйте», ни «простите»:

– Скажи, почему ты решил, что проводник может стать тебе другом?

– Митро? Ну... – я не знал, какого ответа он от меня ждёт. – Он же живой. И очень милый, – Эилиль приподнял брови, но молчал, словно ждал ещё чего-то, так что я продолжил. – Да, он ворчит, иногда очень смешно ругается и вроде как дерётся, – здесь он не смог сдержать смешка. – Зовёт меня сморкачом, но... он добрый. Вы же знаете. Когда я упал после полосы препятствий, он всерьёз попытался мне помочь, хотя сам весит как полпачки масла. И у него даже рук нет. Но он чуть не надорвался, пытаясь меня поднять. И потом...

– Что потом?

– Мне показалось, ему тоже нужен друг.

– Странно, – Эилиль задумчиво смотрел на меня.

– Дружба, по-Вашему, странно? – тут я был готов начать спорить.

Но спорить не пришлось.

– Нет, – голос наставника стал печальным. – Дружба – это замечательно. Странно, что за все тысячелетия существования академии ты первый из учеников магов, кто дал своему проводнику имя и увидел в нём так много.

Эилиль зажёл свечку и ввинтил её в ближайший газон.

Мы сели на траву друг против друга, взяли за руки, и я закрыл глаза. Затем напрягся, изо всех сил представляя опушку моей берёзовой рощи...

Со стороны это выглядело, наверное, очень странно. Но Эилиль уже не шутил про «не тужиться и не раздуваться».

А когда я открыл глаза, мы уже были в ментальном мире на той самой опушке, около шалаша с пеньками.

– Если не ошибаюсь, сейчас у тебя история? – спросил Эилиль, усаживаясь на один из пеньков, хотя больше это прозвучало, как утверждение, а не вопрос.

– Если верить расписанию на стекле, то да, – я сел на пенёк рядом. – Можно спросить?

– Конечно! – улыбнулся наставник, приподняв брови.

– Сегодня у меня история, артефакты и фехтование. Артефакты – понятно. А история с фехтованием зачем?

– А что не так в истории? Она бесценна. Она – лучший учитель, который учит на ошибках прошлого «не косячить» в настоящем. Правда, у вас, на Терии, уроки истории слишком быстро забываются...

– Вы что, правда, сказали «косячить»? – я ушам не мог поверить, настолько это слово ему не подходило.

– Ты услышал только это? – тон Эилиля изменился. – Я говорю тебе и стараюсь делать это понятным тебе языком, что нужно учить историю, чтобы узнать, как этот мир стал таким, какой он есть, и самому решить, что было правильным, а где были ошибки! Ты должен научиться понимать причины и мотивы поступков разных существ, чтобы осознавать последствия и потом для самого себя создавать границы допустимого. Потому что, когда у тебя будет власть менять мир вокруг себя, ты должен быть готов отвечать за это. Или жить с последствиями.

– Ладно, допустим, история – это логично. А мушкетёрить мне зачем? Зачем шпага?

– Меч. Не только шпага. Я не говорил тебе, что магов невозможно одолеть никакими достижениями военной мысли? Пули, гранаты, ракеты и так далее – всё бесполезно. Сущность этих вещей маги прекрасно знают и умеют от них защищаться, оставаясь невредимыми даже в самом страшном огне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.